

Международный Аспект

International Aspect

ТОМ 2. ВЫПУСК 2 (4)
АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 2021

VOL. 2 NO. 2 (4)
APRIL — MARCH
2021

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Сотрудничество Российской Федерации и стран
Африки южнее Сахары в военно-технической сфере:
состояние и перспективы

Марина Шатрова, Анатолий Щёкин

• 20

Технологические стратегии в рамках национальных
инновационных систем на примере Тайваня

Сергей Литвиненко

• 37

Цели, проблемы и перспективы участия
Афганистана в СААРК

Нинэль Гулам

• 55

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 4 issues per year
Vol. 2, No. 2 (4), 2021

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. 4 выпуска в год
Том 2, Выпуск 2 (4), 2021

Между
народный
аспект

Содержание

история международных отношений

- Причины и предпосылки Исламской революции в Иране и их международный аспект • 4
Евгений Кузнецов

- «Новгородские гости» Любека в XV веке: к постановке проблемы • 12
Артем Ушаков

мировая экономика

- Сотрудничество Российской Федерации и стран Африки южнее Сахары в военно-технической сфере: состояние и перспективы • 20
Марина Шатрова, Анатолий Щёкин

- Технологические стратегии в рамках национальных инновационных систем на примере Тайваня • 37
Сергей Литвиненко

международные отношения

- Цели, проблемы и перспективы участия Афганистана в СААРК • 55
Нинэль Гулам

Для связи с редакцией: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

РЕДАКЦИЯ
Главный редактор
Михаил Кан

Заместитель
главного редактора
Глеб Иванов

Ведущий редактор
раздела «История»
Максим Комаринец

Ведущий редактор
раздела
«Международные
отношения»
Михаил Зверев

Ведущий редактор
раздела «Экономика»
Полина Слепухина

Редакторы
Анастасия Лыкова
Андрей Бережнов
Анна Андреевских
Валерия Контрерас Кооб
Грант Бегларян
Дарина Сибуль
Евгений Кузнецов
Елена Бурдина
Кирилл Вошинский
Кирилл Ноздря
Маргарита Тимирбаева
Равиль Шигапов
Сергей Матюшкин

Ответственный
редактор выпуска
Анастасия Лыкова

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, К.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, К.ист.н.

Игорь Александрович
Истомин, К.полит.н.

Contents

history of international relations

The causes and premises of the Islamic revolution in Iran and their international aspect • 4

Evgeny Kuznetsov

«Nowgorodfahrer» of Lübeck in the 15th century: articulation of issue • 12

Artem Ushakov

world economy

Military-Technical Cooperation between the Russian Federation and Sub-Saharan Africa: Current State and Prospects • 20

Marina Shatrova, Anatoly Shchyokin

Technological Strategies in Frames of National Innovation Systems: Case of Taiwan • 37

Sergei Litvinenko

international relations

The goals, problems and prospects of Afghanistan's participation in SAARC • 55

Ninel Gulam

Contact the editorial via: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

EDITORS

Chief Editor
Mikhail Kan

Deputy Chief Editor
Gleb Ivanov

Editor of «History» section
Maksim Komarinets

Editor of «International Relations» section
Mikhail Zverev

Editor of «Economics» section
Polina Slepukhina

Editors

Anastasia Lykova
Andrei Berezhnov
Anna Andreevskikh
Valeria Contreras Koob
Grant Beglarian
Darina Sibul'
Evgeny Kuznetsov
Elena Burdina
Kirill Voshchinsky
Kirill Nozdrya
Margarita Timirbaeva
Ravil' Shigapov
Sergei Matyushkin

Valeriya Kontreras Koob
Grant Beglaryan
Dayana Alagirova
Evgeny Kuznetsov

Managing Editor of the issue
Anastasia Lykova

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board
Andrey Baykov, Ph.D.
in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.
in History

Igor Istomin, Ph.D.
in Political Science

Причины и предпосылки Исламской революции в Иране и их международный аспект

Евгений Кузнецов
МГИМО

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена причинам и предпосылкам революции 1978 – 1979 гг. в Иране. Особое внимание уделяется международному аспекту этих причин. На основании изученных работ ведущих ученых-иранистов Н.М. Мамедовой, Е.А. Дорошенко, С.М. Алиева, С.Б. Дружиловского, С.Л. Агаева, А.З. Арабаджяна в статье изложены причины, которые ввергли страну в массовое антиправительственное движение и привели к падению последней шахской династии. Целями исследования стали выделение международного аспекта причин исламской революции в Иране и раскрытие внешнеполитического фактора, оказавшего влияние на перерастание социального кризиса в Иране в революцию. Задачи исследования:

- используя научную литературу, определить, какую роль внешний фактор сыграл в возникновении причин и предпосылок исламской революции;
- выявить международный аспект причин революции.

Исламская революция в Иране является ключевой в понимании современных политических процессов и конфликтов на Ближнем Востоке. Она оказала огромное влияние на появление концепции исламского общества социальной справедливости, консолидации мусульманского мира вокруг идей антиимпериализма, развитие «арабской весны» 2011 г., а также создание новой политической системы — Исламской Республики. Чтобы охарактеризовать причины иранской

революции 1978 – 1979 гг., необходимо обратиться к реформам шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, названным «Белой революцией», или «бескровной революцией шаха и народа». Преобразования поставили перед государством ряд проблем: аграрная реформа, проводившаяся в стране с 1963 г., не остановила рост социальной напряженности в деревне и, более того, переместила ее в города. Экономика государства находилась в тяжелом положении, так как большая часть государственных расходов шла на широкую модернизацию армии, проводившейся шахом путем заключения многомиллиардных контрактов со странами Запада: США, Великобританией и Францией. Программа модернизации не соответствовала возможностям бюджета, пополнявшегося за счет нефтедолларов, поток которых критически возрос после нефтяного шока 1973 г. Наплыв иностранных специалистов вызывал недовольство у консервативного традиционного иранского сословия — духовенства. Аятолла Рухолла Хомейни, лидер шиитской оппозиции шахскому правительству, возглавил борьбу за свержение шаха и стал создателем концепции «веляят-е факих», — правления справедливого богослова — на которой в будущем будет основан строй Исламской республики Иран. Таким образом, в ходе исследования был сделан следующий вывод: проблемы международного характера и международное положение, сложившееся к концу 1970-х гг., стали решающим фактором в перерастании иранского кризиса в революцию и свержение монархии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Иран, исламская революция, Хомейни, шах, реформы, модернизация.

Для связи с автором: kuznetsov_ev_se@my.mgimo.ru

The causes and premises of the Islamic revolution in Iran and their international aspect

Evgeny Kuznetsov

MGIMO

ABSTRACT

The article is devoted to the causes and premises of the 1978 – 1979 revolution in Iran. Particular attention is also paid to the international aspect of these causes. The material examines the problem of determining the nature of the revolution and the justification of its name 'Islamic'. Based on the studied works of leading Iranists N. Mamedova, E. Doroshenko, S. Aliyev, S. Druzhilovsky, S.L. Agaev, A.Z. Arabajyan, the reasons that plunged the country into a mass anti-government movement and led to the fall of the last Shah dynasty were considered. The objectives of the study were to highlight the international aspect of the Iran Islamic revolution causes, as well as to reveal the foreign policy factor that led to the deterioration of the social crisis in Iran into a revolution. In the course of the work, the following tasks were set:

- using literature to determine what role the external factor played in shaping the causes and premises of the Islamic revolution;

- identify the international aspect of the causes of the revolution.

Speaking about the relevance of the topic, the Islamic Revolution in Iran is essential to understand modern political processes and conflicts in the Middle East. It had a huge impact on the emergence of the Islamic society of social justice, the consolidation of the Muslim world around the ideas of anti-imperialism, the development of the "Arab spring" in 2011, as well as the creation of a new political system: the Islamic

republic. In order to characterize the causes of the Iranian revolution of 1978 – 1979, it is necessary to turn to the reforms of Shah Mohammad Reza Pahlavi, called the "White Revolution" or the "bloodless revolution of the Shah and the people". The reforms posed a number of problems for the state: the agricultural reform carried out in the country since 1963 did not stop the growth of social tensions in the village and, moreover, moved it to cities. The state's economy was in a difficult situation, since most of the government spending was used to modernize the army, which was carried out by the shah via concluding multi-billion-dollar contracts with Western countries – the USA, Great Britain and France. The modernization program did not correspond to the budget possibilities, replenished at the expense of petrodollars, the flow of which increased critically after the 1973 oil shock. The influx of foreign experts caused discontent among the conservative traditional Iranian class – the clergy. Ayatollah Ruhollah Khomeini, the leader of the Shiite opposition to the Shah's government, led the fight to overthrow the Shah and created the concept of the Velayat-e Faqih, the reign of a just theologian, on which the Islamic Republic of Iran will be based in the future. Thus, in the course of the study, the following conclusion was made: problems of an international nature and the international situation that had developed by the end of the 1970s became a decisive factor in the deterioration of the Iranian crisis into a revolution and the overthrow of the monarchy.

KEYWORDS

Infrastructure projects, corporate debt, production chain, export-oriented company, debt moratorium.

Contact the author via kuznetsov_ev_se@my.mgimo.ru

ВЫПУСК №2 (4) АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 2021

ВВЕДЕНИЕ

Исламская революция в Иране, результатом которой стало падение последней шахской династии и образование Исламской Республики, стала важным событием истории XX в. Иранская революция впервые в истории развивающихся стран второй половины XX в. открыто бросила вызов неокOLONиализму. Учитывая, что национально-освободительные движения в странах «третьего мира» получали поддержку в основном со стороны СССР, заявление иранских революционеров, что для них одинаково неприемлемы ни американская, ни советская политика, делают революцию 1978 – 1979 гг. уникальной^[1]. К концу 1970-х гг. шах Мохаммед Реза Пехлеви провел реформы, ведущие к избавлению от остатков феодализма, и создал новые отрасли производства. Иран, который многие страны рассматривали как образец для подражания, за полтора года оказался охвачен внутривнутриполитическим кризисом и массовым антишахским движением. Причины исламской революции сопряжены с внешними связями Ирана: революционеры критиковали шаха за тесные отношения с США, у которых страна закупала новейшие образцы военной техники в рамках широкомасштабной программы модернизации армии Ирана. Модернизация стала возможной благодаря нефтяному кризису 1973 г., после которого доходы Ирана от продажи нефти выросли в четыре раза. Нефтедоллары использова-

лись для покупки сельскохозяйственной продукции за рубежом вместо развития собственного сельского хозяйства. Рассмотрим внешние факторы исламской революции, не забывая о том, что основополагающими являлись внутренние причины: политические и социально-экономические процессы, которые происходили в иранском обществе после шахской модернизации 1960-х – начала 1970-х гг.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Перейдем к основным предпосылкам и причинам революции 1978 – 1979 гг. и рассмотрим социально-экономическое положение Ирана, сложившееся к концу 1970-х гг.

С начала 1960-х гг. в стране проводилась модернизация, названная «Белой революцией», или «революцией шаха и народа»^[2]. Помимо положительных результатов, реформы имели негативную сторону: рост безработицы, кризис жилья, массовый отток крестьян в города, повышение инфляции и социальное расслоение. По мнению С. М. Алиева^[3], отрицательные результаты были вызваны ускоренной шахской модернизацией, связанной с положением, сложившимся после нефтяного кризиса 1973 г. В ходе войны Судного дня арабские страны-экспортеры нефти наложили эмбарго на поставки топлива странам, поддержавшим Израиль в его войне с Египтом и Сирией. Это вызвало беспрецедентный рост цен на нефть.

[1] Дружиловский С.Б. К вопросу о характере антишахской революции в Иране / С.Б. Дружиловский // Иран: ислам и власть / отв. ред. Н.М. Мамедова и Мехди Санаи – Москва: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2001. – С. 29.

[2] Сафари М. Уникальные особенности Исламской революции в Иране в сравнении с революциями в других странах мира / М. Сафари // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее – Москва: Институт Востоковедения, 1999. – С. 9.

[3] Алиев С.М. История Ирана. XX век / С.М. Алиев – Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. – С. 392 – 394.

Последствия нефтяного бума 1973 г. обеспечили благополучие государственного сектора в Иране. Иранское правительство, получая огромные поступления в бюджет, отказалось от преобразований в деревне и направило нефтедоллары на закупки продовольствия, сельскохозяйственной продукции и новейших образцов вооружений за рубежом. Преобразования проводились сверху, испытывая противодействие со стороны шиитского духовенства, а идеология реформ, выдвинутая шахом, не завоевала популярности в широких слоях общества.

К этому периоду относится формирование оппозиции шахскому режиму. Помимо партий левого и либерально-буржуазного крыла, в Иране начинает формироваться ядро исламской оппозиции. Во ее главе встали представители высшего шиитского духовенства, не согласные с шахской программой и объявившие ее положения противоречащими нормам ислама. Религиозная оппозиция уделяла большое внимание возрастающей зависимости Ирана от Запада и США. Таким образом, иностранное вмешательство стало основой недовольства со стороны антишахской оппозиции.

Социально-экономический кризис настиг и деревню. Государство делало ставку на развитие крупного агробизнеса и не предоставляло помощи мало-земельным крестьянам. Их хозяйства приходили в упадок из-за высокой конкуренции с импортной продукцией. Мелкие хозяйства разорялись, крестьяне

уходили в города, формируя беднейшие слои городского населения. Социальная напряженность в городах привела к росту политической активности всего населения^[4]. Экономические отношения Ирана с Западом наносили ущерб внутреннему иранскому производству: шах считал, что вместо развития отечественных отраслей промышленности легче купить необходимую продукцию за границей. Шах сосредоточился на развитии высокотехнологичных отраслей, требующих больших вложений. Для реализации дорогостоящих программ шах использовал доходы от продажи нефти, которые многократно возросли после 1973 г. Создание высокотехнологичных отраслей требовало присутствия иностранных специалистов. В связи с этим оппозиция критиковала шаха за то, что он делал Иран зависимым от западных технологий и специалистов.

Доходы от нефти стимулировали резкий рост ВВП (40%). Увеличение денежной массы в стране привело к инфляции — цены на рынке повысились на 16 – 30%^[5]. Иран имел все шансы на проведение индустриализации, но шаху не удалось справиться с колоссальным потоком нефтедолларов: он направил их на создание мощной армии, размещая многомиллиардные заказы в Европе и США^[6].

Шах, вкладывая нефтедоллары в модернизацию вооруженных сил, проиграл в политическом и экономическом плане: деньги, которые предназначались для модернизации экономики, огромными потоками вливались в закупку

[4] История Востока в 6 т. / гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др. / Т.6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин: Институт востоковедения РАН. – Москва: Восточная литература, 2008. – С. 385.

[5] Дружиловский С.Б. Социальная политика в Исламской республике Иран после Исламской революции / С.Б. Дружиловский // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее – Москва: Институт Востоковедения, 1999. – С. 67.

[6] Halliday Fred E. Iran: Dictatorship and Development / Fred E. Halliday – London: Pelican, 1979. – p. 285.

вооружений у США, Англии и Франции. Народ понимал, что на создание современной армии уходят значительные средства, поэтому тесное военное-техническое сотрудничество с Европой и США усугубляло антизападную критику. Военные расходы страны в течение девяти лет (1968/69 – 1977/78 гг.) увеличились в 18,5 раз: с 0,54 млрд до 10 млрд долларов в год и стали главной статьёй (30%) расходной части бюджета. В период 1973 – 1975 гг. военные поставки из США оценивались в 6 млрд долларов^[7]. На вооружение иранской армии встали самые современные образцы военной техники, флота и авиации. Для их обслуживания требовались иностранные военные советники, так как в Иране не хватало специалистов. В основном в страну приезжали американцы.

Социально-экономические проблемы (неэффективность реформ и расходование амбиций шаха с реальными потребностями Ирана в военной сфере^[8]), сопровождались политическими.

Реформы шаха подвергались критике со стороны шиитского духовенства. Религиозная оппозиция обвиняла шаха в близких отношениях с развитыми странами Запада и считала это предательством национальных интересов и норм ислама.

Проведение американской политики в регионе в обмен на поставки новейших образцов военной техники в Иран и курс на вестернизацию иранского

общества влияли на усиление критики Мохаммеда Реза Пехлеви.^[9] Шах пытался сместить исторический акцент на эпоху древней персидской монархии, чтобы придать легитимности своей власти. Пехлеви оказывал давление на ислам, что вызывало раздражение у большинства населения и духовенства. К этому относится изменения иранского календаря с солнечной хиджры на имперский календарь и празднование 2500-летия персидской монархии в октябре 1971 г. Шах пытался представить свой режим в лучшем виде: на праздник он пригласил исключительно зарубежных гостей, а празднование обошлось в несколько миллионов долларов^[10]. В то же время в Систане и Белуджистане стояла сильная засуха и людям угрожал голод, что вызвало протест среди населения.

Религиозную оппозицию возглавлял Рухолла Мусави Хомейни. Аятолла сформулировал свою позицию по отношению к шахскому правлению и иностранным державам в одном из посланий: он выразил ненависть к СССР и Великобритании, но особенно выделил США^[11] и Израиль. Тезисы выступления превратились в лозунги будущей революции.

В 1964 г. шах отправил Хомейни в ссылку за границу. Находясь в Ираке, Хомейни сформулировал принцип «веляят-е факих», или «правления бого-слова». Шиитская доктрина гласит, что в конце времен людям явится последний

[7] Алиев С.М. История Ирана. XX век / С.М. Алиев – Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. – С. 409.

[8] Мамедова Н.М. Иран в XX в. Роль государства в экономическом развитии / Н.М. Мамедова – Москва: Институт востоковедения, 1997. – С. 44.

[9] Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США / В.О. Печатнов – Москва: Международные отношения, 2018. – С. 492.

[10] Алиев С.М. История Ирана. XX век / С.М. Алиев – Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. – С. 412.

[11] Системная история международных отношений в двух томах. Том второй. События 1945–2003 гг. / под ред. А.Д. Богатова – Москва: Культурная революция, 2006. – С. 403.

имам Махди, который сейчас находится в большом сокрытии. Аятолла заявил, что до пришествия Махди верховную власть в Иране должны осуществлять справедливые и праведные религиозные авторитеты^[12]. Книга «Исламское правление» стала основой идеологии будущей Исламской Республики^[13] и оказала влияние на развитие исламских движений во всем мире.

В Иране бушевали протесты. Шах покинул страну, назначив премьер-министром Ш. Бахтияра. Аятолла Хомейни перед тем, как вернуться в Иран 1 февраля 1979 г., провел 4 месяца во Франции, предоставившей ему политическое убежище. В Париже по итогам встреч лидеров антишахской оппозиции создается единый фронт борьбы с Мохаммедом Реза Пехлеви. Главная роль в борьбе была признана за духовенством. Кассеты с призывами к сопротивлению, которые Хомейни записывал в Париже, распространились по всему Ирану. Пребывание Хомейни во Франции оказало огромное влияние на развитие революционной ситуации. Внимание французской общественности было приковано к событиям в Иране, и нахождение Хомейни в Нофль-ле-Шато только способствовало этому^[14]. 1 февраля 1979 г. аятолла Хомейни триумфально возвращается в Иран на самолете «Air France». Иранцы были благодарны французам за предоставление убежища Хомейни и за его транспортировку в Тегеран.

Шахский авторитаризм стал важнейшей причиной свержения монархии в Иране. Стремление шаха сконцентрировать полноту власти в своих руках вылилось в ужесточение репрессий со стороны шахских спецслужб и в создание единой партии «Растахиз» в 1975 г. По мнению С.С. Хагигата, режим шаха потерпел крах из-за того, что шах сконцентрировался на ускорении экономического развития страны при отсутствии политической трансформации общества^[15]. Проводить авторитарный курс шаху помогала политическая поддержка из-за рубежа. Как главный союзник США, Мохаммед Реза оправдывал репрессии целью превращения Ирана в мощную державу. Одним из путей к этой цели шах избрал всеобъемлющую модернизацию армии, которая не могла обойтись без поддержки США и других западных стран.

Таким образом, из-за всенародного недовольства сотрудничеством шаха с Западом в ущерб стране оппозиционные выступления начали перерастать в полномасштабную революцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исламская революция в Иране была вызвана комплексом причин: противоречивые итоги «Белой революции», расточительная политика шаха в области военного строительства и последовательное попрание исламских ценностей вызвали подъем массового антишахского движения, которое было взято под кон-

[12] Дружиловский С.Б. Имам Рухолла Мусави Хомейни / С.Б. Дружиловский // Политические портреты деятелей Ближнего и Среднего Востока: очерки / под ред. В.В. Наумкина и В.В. Попова – Москва: МГИМО–Университет, 2015. – С. 155.

[13] Алиев С.М. История Ирана. XX век / С.М. Алиев – Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. – С. 335.

[14] Дружиловский С.Б. Имам Рухолла Мусави Хомейни / С.Б. Дружиловский // Политические портреты деятелей Ближнего и Среднего Востока: очерки / под ред. В.В. Наумкина и В.В. Попова – Москва: МГИМО–Университет, 2015. – С. 157.

[15] Хагигат С.С. Мотивы и корни Исламской революции / С.С. Хагигат // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее – Москва: Институт Востоковедения, 1999. – С. 23.

троль шиитским духовенством. Особое влияние на формирование причин и предпосылок революции сыграл международный фактор: нефтедоллары, которые полились в Иран после кризиса 1973 г., использовались шахом для модернизации армии и импорта сельскохозяйственной продукции. Иранские хозяйства не могли конкурировать с иностранными товарами и в результате пришли в упадок. Модернизация вооруженных сил сопро-

вождалась размещением многомиллиардных военных заказов в западных странах и присутствием иностранных специалистов, что вызывало недовольство шиитского духовенства, ставшее во главе всенародного протеста. Участие западных стран в шахской трансформации Ирана, противоречивые итоги которой – причины исламской революции 1978 – 1979 гг., добавляет к причинам международный аспект.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Halliday Fred E. Iran: Dictatorship and Development / Fred E. Halliday – London: Pelican, 1979. – 348 p.
2. Але-Ахмад Дж. Гарбзадеги / Дж. Але-Ахмад. – Тегеран, 1385. – 250 с.
3. Алиев С. М. История Ирана. XX век / С.М. Алиев. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. – 648 с.
4. Дружиловский С. Б. Имам Рухолла Мусави Хомейни / С. Б. Дружиловский // Политические портреты деятелей Ближнего и Среднего Востока: очерки / под ред. В. В. Наумкина и В. В. Попова. – Москва: МГИМО-Университет, 2015. – С. 147 – 171.
5. Дружиловский С. Б. К вопросу о характере антишахской революции в Иране / С. Б. Дружиловский // Иран: ислам и власть / отв. ред. Н. М. Мамедова, Мехди Санаи. – Москва, Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2001. – С. 23 – 30.
6. Дружиловский С. Б. Социальная политика в Исламской республике Иран после Исламской революции / С. Б. Дружиловский // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее – Москва: Институт Востоковедения, 1999. – С. 66 – 70.
7. История Востока в 6 т. / гл. редкол.: Р. Б. Рыбаков (пред.) и др. / Т. 6: Восток в новейший период (1945 – 2000 гг.) / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин: Институт востоковедения РАН. – Москва: Восточная литература, 2008. – 1095 с.
8. Кляшторина В. Б. Джелал Але Ахмад / В. Б. Кляшторина // Иранская революция 1978 – 1979: Причины и уроки. / отв. ред. А. З. Арабаджян. – Москва: Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 78 – 82.
9. Мамедова Н. М. Иран в XX в. Роль государства в экономическом развитии / Н.М. Мамедова. – Москва: Институт востоковедения, 1997. – С. 144.
10. Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США / В. О. Печатнов. – Москва: Международные отношения, 2018. – 680 с.
11. Сафари М. Уникальные особенности Исламской революции в Иране в сравнении с революциями в других странах мира / М. Сафари // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. – Москва: Институт Востоковедения, 1999. – С. 6.
12. Системная история международных отношений в двух томах. Том второй. События 1945 – 2003 гг. / под ред. А. Д. Богатурова. – Москва: Культурная революция, 2006. – С. 720.
13. Хагигат С. С. Мотивы и корни Исламской революции / С. С. Хагигат. // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. – Москва: Институт Востоковедения, 1999. – С. 22 – 24.

REFERENCES

1. Halliday Fred E. Iran: Dictatorship and Development / Fred E. Halliday. – London: Pelican, 1979. – 348 p.
2. Ale–Ahmad J. Garbzadegi / J. Ale–Ahmad. – Tehran, 1385. – 250 p.
3. Aliev S.M. Istorija Irana. XX vek [History of Iran. XX century] / S. M. Aliev. – Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2004. – 648 p.
4. Druzhilovsky S. B. Imam Ruholla Musavi Khomeini / S. B. Druzhilovsky // Politicheskiye portrety deyatelei Bližnego i Srednego Vostoka: ocherki [Political portraits of figures of the Middle East: essays] / ed. V.V. Naumkina and V.V. Popova. – Moscow: MGIMO–University, 2015. – S. 147–171.
5. Druzhilovsky S. B. K voprosu o kharaktere antoshakhskoi revolyutsii v Irane [To the Question of the Character of the Anti–Shah Revolution in Iran] / S. B. Druzhilovsky // Iran: Islam and power / managing editors N. M. Mamedova, Mehdi Sanai – Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Kraft + Publishing House, 2001. – P. 23–30.
6. Druzhilovsky S. B. Sotsialnaya politika Islamskoy Respubliki Iran posle Islamskoi revolyutsii [Social Policy in the Islamic Republic of Iran after the Islamic Revolution] / S. B. Druzhilovsky // Islamic Revolution in Iran: Past, Present, Future. – Moscow: Institute of Oriental Studies, 1999. – P. 66–70.
7. Istoriya Vostoka v shestitomakh [History of the East in 6 tons] / Editorial: R. B. Rybakov and others / T. 6: East in the newest period (1945–2000) / ed. V. Ya. Belokrenitsky, V. V. Naumkin: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. – Moscow: Oriental literature, 2008. – 1095 p.
8. Klyashtorina V. B. Jalal Ale Ahmad / V. B. Klyashtorina // Iranian Revolution 1978 – 1979: Causes and Lessons. / ed. A. Z. Arabajyan– Moscow: The main edition of oriental literature, 1989. – P. 78–82.
9. Mamedova N. M. Iran v XX veke: rol' gosudarstva v ekonomicheskom razviti [Iran in the 20th century The role of the state in economic development] / N. M. Mamedova. – Moscow: Institute of Oriental Studies, 1997. – P. 144.
10. Pechatnov V. O., Manykin A. S. Istoriya vneshney politiki SShA [History of US Foreign Policy] / V. O. Pechatnov. – Moscow: International Relations, 2018 – 680 p.
11. Safari M. Unikal'nye osobennosti Islamskoi revolyutsii v Irane v sravnenii s revolyutsiyami v drugikh stranakh mira [Unique features of the Islamic revolution in Iran in comparison with revolutions in other countries of the world] / M. Safari // Islamic revolution in Iran: past, present, future. – Moscow: Institute of Oriental Studies, 1999. – P. 6–11.
12. Sistemnaya istoriya mejdunarovnykh otnoshenij v dvukh tomakh [The system history of international relations in two volumes]. Volume Two. Events 1945–2003 / ed. A. D. Bogaturov. – Moscow: Cultural Revolution, 2006. – P. 720.
13. Hagigat S. S. Motivi i korni Islamskoi revolyutsii [Motives and roots of the Islamic revolution] / S. S. Hagigat // Islamic Revolution in Iran: Past, Present, Future. – Moscow: Institute of Oriental Studies, 1999. – P. 22–24.

«Новгородские гости» Любека в XV веке: к постановке проблемы*

Артем Ушаков

НовГУ

АННОТАЦИЯ

Появление гильдии «новгородских гостей» (Nowgorodfahrer) – специализированной торговой корпорации любекских купцов, ориентированной на русский рынок, – в ганзейских источниках хронологически совпадает с переходом руководства над новгородским Немецким подворьем к городам Ливонии: Ревелю (Таллинну), Дерпту (Тарту) и Риге. Несмотря на то, что Любек оставался высшей апелляционной инстанцией для ганзейских купцов, его влияние на восточно-балтийскую торговлю к середине XV века значительно сократилось и во многом осуществлялось при посредничестве гильдии «новгородских гостей». В течении XV века «новгородские гости» превратились в значительного «игрока» внутри ганзейского торгового пространства, совершая крупные коммерческие сделки, организуя передвижение масштабных партий товаров в пределах Балтийского региона. Однако, учитывая фрагментарность источниковой базы, роль «новгородских гостей» в ганзейской торговле на сегодняшний день слабо изучена и требует детального рассмотрения. Комплексное изучение целого ряда вопросов, связанных с местом «новгородских гостей» в системе Ганзейского союза периода его наивысшего расцвета, предполагает первоначальное определение проблемного поля, выявление тех

знаковых аспектов, которые предопределили развитию гильдии в XV веке или демонстрируют специфику ее организации, а также дают возможность определить положение «новгородских гостей» в среде ганзейского купечества. В связи с тем, что история гильдии «новгородских гостей» неразрывно связана с развитием русско-ганзейских, русско-ливонских отношений и отношений внутри Ганзы, те или иные аспекты коммерческой деятельности гильдии нельзя изучать в отрыве от соответствующего контекста. Поскольку на протяжении XV века «новгородские гости» активно и весьма умело приспосабливались к политическим изменениям в государствах Балтийского региона, старались соответствовать прогрессивным тенденциям европейской торговли, порой нарушая устоявшиеся нормы ганзейского права, что во многом предопределило рост влияния гильдии в восточно-балтийской торговле второй половины XVI – начале XVII века. В тоже время детальный анализ торговой активности «новгородских гостей», особенностей внутренней организации гильдии и взаимоотношений с другими участниками ганзейского товарообмена позволит глубже проникнуть в специфику функционирования Ганзейского союза периода его наивысшего могущества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Новгородские гости», Любек, Великий Новгород, Ревель, ганзейская торговля.

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга» / This study is done with the support from the Russian Science Foundation (RSF), project no. 19-18-00183 “Economic, political and social and cultural communications of Russia and the Baltic States in the 15th–17th centuries on the basis of the materials of archival collections of Tallinn, Lübeck, Berlin and Saint Petersburg”.

Для связи с автором: demiardo13@gmail.com

«Nowgorodfahrer» of Lübeck in the 15th century: articulation of issue

Artem Ushakov

NovSU

ABSTRACT

The appearance of a guild called “Nowgorodfahrer” as a special purpose trading corporation of Lübeck merchants focused on the Russian market is according to Hanseatic sources chronologically in sync with the transition of governance over the Novgorod German mission to the Livonian towns: Reval (Tallinn), Dorpat (Tartu) and Riga. Regardless of the fact that Lübeck remained the highest appeals instance for Hanseatic merchants, Lübeck’s influence on the trade in East Baltic by the middle of the 15th century reduced significantly so it was carried out brokered by the guild of the “Nowgorodfahrer” in large measure. During the 15th century, the “Novgorod guests” had become an important “player” within the Hanseatic trade space and made large bargains, organized the transportation of large batches of goods in the area of the Baltic Sea region. At the same time, considering the fragmentary nature of the source base, the role of the “Nowgorodfahrer” in the Hanseatic trade is underexplored to this date and requires detailed discussion. An integrated study of a number of issues involved with the position of the “Nowgorodfahrer” in the Hanseatic League system in its high noon, expects the elementary definition of the issue area, identifying

some significant aspects predetermined the development of the guild in the 15th century or demonstrate the organization nature, and also make it possible to determine the position of the “Nowgorodfahrer” in Hanseatic merchants’ world. In view of the fact that the history of the “Nowgorodfahrer” is closely connected with the development of Hanseatic-Russian, Livonian-Russian relations and relations inside the Hanseatic League, it should be impossible to study any aspects of business activities uncoupled from a relevant context. As far as during the 15th century the “Nowgorodfahrer” actively and highly proficiently adapted to the political changes in the Baltic states, tried to be aligned with forward-looking dynamics of European trade, sometimes violating the scripted norms of Hanseatic law, that in many ways predestined the extension of influence of the guild in the East Baltic trade in the mid-to-late 16th-in the beginning of the 17th century. On the same lines, an in-depth analysis of the business activity of the “Nowgorodfahrer”, characteristics of the internal structure of the guild and the relationship with other participants of the Hanseatic merchandise exchange can allow us to tap into the specifics of Hanseatic League behavior during its ultimate power.

KEY WORDS

“Nowgorodfahrer”, Lübeck, Veliky Novgorod, Reval, Hanseatic trade.

Ганза, — союз нескольких десятков торговых городов, объединенных регламентированной системой товарообмена, — на сегодняшний день достаточно хорошо изучена. Исследователи кропотливо воссоздали историю развития Ганзы от самого ее зарождения. Исключением стоит признать, так называемую, «Позднюю Ганзу», то есть историю торгового союза периода Раннего Нового времени, после затяжного кризиса середины XVI века^[1]. При этом, исследование механизмов функционирования Ганзы, процессов, детерминирующих ее развитие, специфики ее внутреннего устройства находится на начальной стадии. Так как гильдия «новгородских гостей» была объединением весьма состоятельных любекских купцов, которые старались вести крупную торговлю, ориентированную на получение наибольшей выгоды, изучение указанной купеческой корпорации позволит детально рассмотреть взаимоотношения участников ганзейского товарообмена, динамику развития «внутриганзейских» противоречий, а также особенности организации торговли и получения прибыли. Помимо рассмотрения основных механизмов, характерных для организации торговли «новгородских гостей», изучение гильдии позволит также взглянуть на повседневную жизнь ганзейских купцов,

тяготы и хлопоты, с которыми они сталкивались при осуществлении коммерческой деятельности. Исследование коммерческой деятельности гильдии представляется разумным начать с определения комплекса проблем, которые позволяют выявить источники, имеющиеся в распоряжении исследователя. Анализ гильдии «новгородских гостей» следует начать с периода формирования основной модели их торговой стратегии, которая ими была окончательно выработана к концу XV века.

Изучение «новгородских гостей» неразрывно связано с исследованием «Русской Ганзы», и первое описание гильдии в середине XIX века представил Н.Г. Райзенкамппф, который, не вдаваясь в подробности, охарактеризовал ее как сообщество любекских купцов, организованное для торговли в Новгороде и совместного решения возникавших при ее осуществлении проблем^[2]. Более конкретно к проблеме развития гильдии в XV веке обратился Л.К. Гетц, однако его интерпретация деятельности «новгородских гостей» не лишена неточностей, касающихся определения места гильдии в торговой системе Восточной Балтики^[3]. Начиная со второй половины XX века, история «новгородских гостей» XVII–XVIII веков была изучена Э. Хардер-Герсдорф^[4] в контексте изменившейся к тому времени ситуации

[1] Hammel-Kiesow R. Die Hanse / Rolf Hammel-Kiesow. — München: C. H. Beck Verlag, 2000. — S. 18.

[2] Reisenkampff N. G. Die Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schließung durch Iwan Wasiljewitsch III. im Jahre 1494 / N. G. Reisenkampff. — Dorpat: Schünmann's Wittwe & C. Mattiesen, 1854. — S. 62.

[3] Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters / Leopold Karl Goetz. — Lübeck, 1922. S. 227–229.

[4] Основные работы автора, касающиеся рассматриваемой тематики: Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert (Ersten Teil) / Elisabeth Harder. // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. — Lübeck, 1961. — Bd. 41. — S. 43–114; ders.: Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 17/18. Jahrhundert (Zweiter Teil) // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. — Lübeck, 1962. — Bd. 42. — S. 5–54; ders.: Lübeck, die Kompanie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs // Hansische Geschichtsblätter. — Köln, 2002. — Bd. 120. — S. 97–147.

на Балтике, характеризовавшейся окончательным упадком Ганзейского союза. Многие исследователи (Н. Ангерман, П. Йохансен, К. Фридланд, К. Крюгер, С. Йенкс, П. Хайнсуус и др.) так или иначе упоминали в своих работах «новгородских гостей», не обращаясь к теме со всей основательностью. Отечественные ганзееведы в своих трудах истории развития гильдии не касались.

Несмотря на гибель многих ганзейских архивов: архива Немецкого подворья в Новгороде и самого новгородского архива, собраний Пскова, Нарвы, Дерпта и других городов, где могли сохраниться источники, связанные с торговлей «новгородских гостей», материалы, освещающие историю гильдии, есть, однако большая их часть относится к периоду «Поздней Ганзы». Документы XV века не представлены единым комплексом: помимо архива «новгородских гостей», хранящегося в Любеке (Archiv der Hansestadt Lübeck, AHL), отдельные документы можно найти в Таллинском городском архиве (Tallinna Linnaarhiiv, TLA), а также в многотомных собраниях «Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch», «Hansisches Urkundenbuch», «Lübeckisches Urkundenbuch» и «Hanserecesse». Источники, опубликованные в данных сборниках, зачастую приведены не в пол-

ном объеме или в виде аннотаций, что несколько осложняет работу с ними.

Первой немаловажной проблемой, относящейся к истории «новгородских гостей», является вопрос о времени возникновения гильдии. По мнению, Л. К. Гетца «новгородские гости» во второй половине XIV века уже были одним из важнейших участников русско-ганзейского товарообмена^[5]. Суждение автора основывается на тексте четвертой редакции «новгородской шры» (устава), в которой указано, что олдерменами новгородского Немецкого подворья могли быть лишь выходцы из Любека и Готланда^[6]. Таким образом, Л. К. Гетц отождествил «новгородских гостей» со всеми купцами из Любека, торговавшими в Новгороде, что не представляется верным, так как «новгородские гости» по сравнению с другими любекскими купцами обладали рядом важных привилегий^[7]. В то же время в ганзейской документации термин «Nowgorodfahrer» впервые появился в 1409 году^[8], на что справедливо указала Э. Хардер-Герсдорф^[9]. Хотя очевидно, что гильдия была образована значительно раньше, точная дата ее основания до сих пор неизвестна.

Выявить время основания гильдии «новгородских гостей» сложно, помимо

[5] Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters... S. 227.

[6] Согласно уставу, олдерменами на подворье могли стать исключительно «кто-либо от Любека или от Готланда» (jeman van Lubeke eder van Gotlande). Термин «Nowgorodfahrer», которым в ганзейских источниках обозначались купцы рассматриваемой гильдии, в документе не указан (Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. — Bis 17. Jahrhundert. — Dorpat, 1911. — IV, § 65).

[7] К примеру, все купцы, отправлявшие свои товары из Ревеля в балтийские города, особенно в Любек, были обязаны пользоваться кораблями, зафрахтованными олдерменами «новгородских гостей», что существенно ограничивало предпринимательскую активность ливонцев и подчеркивало их зависимость от решений гильдии (Hansisches Urkundenbuch (далее — HUB). — Bd. 11. — Leipzig, 1916. — № 458).

[8] В 1409 году «новгородские гости» в Любеке задержали Бернда фон Вреде — торгового приказчика, который заключил с русским партнером кредитную сделку летом 1407 года, но не смог с ним расплатиться и покинул Новгород без ведома олдерменов подворья, за что был лишен прав двора (Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. — Ab. 1 (далее — LEKUB 1). — Bd. 4. Reval, 1859. — № 1788; Lübeckisches Urkundenbuch (далее — LUB). — Bd. 5. — Lübeck, 1875. — № 243).

[9] Harder-Gersdorff E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs / Elisabeth Harder-Gersdorff. // Hansische Geschichtsblätter. — Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. — Bd. 120. — S. 98.

всего прочего, из-за того, что документы, относящиеся к корпорации подчас сложно выделить из всего массива ганзейских источников. В первую очередь, ввиду того, что магистрат Любека связывали с «новгородскими гостями» прочные деловые связи, и зачастую любекские ратманы от имени гильдии вступали в переписку с ревельским советом по спорным вопросам^[10]. Во-вторых, олдермены «новгородских гостей» зачастую в письмах называли себя «олдерменами всего купечества Немецкой Ганзы» (*alderlude des ghemenen coermans van der Duytsscher Hanze*)^[11]. Несомненно, чтобы подчеркнуть свой статус, выступая в интересах всех ганзейских купцов. Перед исследованием различных проблем, связанных с историей «новгородских гостей» XV века, следует изначально определиться со спецификой идентификации гильдии в ганзейских источниках.

Взаимоотношения «новгородских гостей» с магистратом Любека являются отдельной темой для исследования. По мнению Л.К. Гетца, посредством корпорации Любек в конце XV века предпринял попытку монополизировать торговлю в Восточной Балтике^[12]. Однако анализ предпринимательской деятельности «новгородских гостей» указанного столетия наглядно демонстрирует, что инициатива обычно шла именно от купцов гильдии и в послед-

ствии находила отражение в пожеланиях и постановлениях, направленных ратманами Любека к ревельскому совету. Нельзя уверенно судить о безоговорочной лояльности магистрата Любека к «новгородским гостям», возможно, существовали вопросы, по которым стремления сторон расходились, но, по всей видимости, «новгородские гости» всячески старались склонить ратманов на свою сторону и добиться их поддержки в спорных ситуациях. К примеру, в 1497 году ганзейские купцы из конторы в Брюгге обратились к магистрату Любека с просьбой ограничить своеволие «новгородских гостей», которые позволяли себе резкие и жесткие высказывания от имени любекских ратманов, преследуя при этом исключительно свои коммерческие интересы^[13].

Не менее любопытной является тема взаимоотношений «новгородских гостей» и магистрата Ревеля. Несмотря на то, что стороны объединяли крепкие торговые контакты, торговая стратегия гильдии, особенно во второй половине XV века, была направлена на ограничение коммерческой свободы Ревеля, чему ревельцы пытались противостоять^[14]. Несмотря на это, ревельский совет финансово зависел от «новгородских гостей», так как купцы корпорации вносили значительные суммы в казну Ревеля в виде фунтовой пошлины^[15].

[10] LEKUB 1. — Bd. 8. — № 58; LEKUB 1. — Bd. 8. — № 60.

[11] Tallinna Linnaarchiv, f. 230. — BE 14-IV. — fol. 2.

[12] Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters... S. 228.

[13] Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage Ab. 3 (далее — HR 3). — Bd. 3. — Leipzig, 1888. — № 797.

[14] HUB. — Bd. 11. — № 571.

[15] Фунтовая пошлина (Pfundzoll) — особый налог, введенный в 1361 году и взимаемый в размере 0,56% от стоимости всех кораблей и товаров, пребывающих в гавань, для покрытия военных нужд. См. подробнее: Sarnowsky J. The „Golden Age“ of the Hanseatic League / Jürgen Sarnowsky. // A Companion to the Hanseatic League. — Leiden; Boston: Brill, 2018. — P. 70.

При этом нецелесообразное расходование средств фунтовой пошлины могло привести к конфликту между сторонами, так как «новгородские гости» всячески были заинтересованы к уменьшению побочных расходов при осуществлении торговли. В 1499 году ревельские ратманы отказались выделить часть средств из фунтовой пошлины на покрытие определенных затрат дерптских купцов, аргументируя это тем, что «новгородские гости» не позволят им это сделать^[16]. Стоит отметить, что в 1516 – 1517 годах разница во взглядах при расчете фунтовой пошлины привела к большому конфликту между гильдией и магистратом Ревеля, причем обе стороны приводили крайне весомые доводы в свою пользу, что в значительной степени усложняет изучение данного вопроса^[17].

В период наивысшего расцвета Ганзы, расширение торговых связей ганзейских купцов и увеличение масштабов товарооборота привели к росту пиратской угрозы на Балтике. Как известно, ганзейцы при осуществлении предпринимательской деятельности руководствовались правилом «каждый сам несет свой убыток», в связи с чем старались обеспечить безопасность своих

товаров собственными силами, нанимая солдат на корабли. В 1456 году «новгородские гости» отправили из Любека в Ревель с тремя судами товары стоимостью 95 750 любекских марок^[18] — партия, безусловно, требующая охраны^[19]. Более того, «новгородские гости» не единожды настоятельно советовали магистрату Ревеля отправлять товары исключительно на кораблях, укомплектованных наёмниками^[20], что подчеркивает их заинтересованность в противоборстве пиратской угрозы. Несмотря на то, что специфика применения ганзейцами солдат для охраны купеческих судов кратко описана Ю. Кремом^[21], данная проблема имеет широкий простор для детального исследования, учитывая значительное количество документов «новгородских гостей», касающихся механизма найма солдат на корабли, выплаты им жалования, а также событий, связанных с угрозой морских разбойников^[22].

Закрытие Немецкого подворья в Новгороде не могло не затронуть интересы «новгородских гостей», однако, обстоятельное изучение данного вопроса еще предстоит произвести. Известно, что купцы гильдии участвова-

[16] HUB. — Bd. 11. — № 1150; Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Ab. 2 (далее — LEKUB 2). — Bd. 1. — Riga, Moskau, 1900. — № 826.

[17] HR 3. — Bd. 6. — № 709; HR 3. — Bd. 7. — № 44, 54.

[18] LEKUB 1. — Bd. 11. — № 520.

[19] При закрытии новгородского Немецкого подворья в 1494 году московские власти конфисковали у ганзейских купцов все товары, стоимость которых составила около 96 000 марок. Таким образом, годовой оборот «новгородских гостей» примерно сравним с сезонным капиталом всех постояльцев Немецкого подворья (Bessudnova M. Die Schließung des hansischen Kontors in Nowgorod im Jahre 1494 im Kontext der Beziehungen der Großfürsten von Moskau zu Maximilian von Habsburg / Marina Bessudnova. // Hansische Geschichtsblätter. Trier: Porta Alba, 2009. — Bd. 127. — S. 98).

[20] LEKUB 1. — Bd. 8. — № 58, 60; HUB. — Bd. 9. — № 90; LEKUB 2. — Bd. 3. — № 600.

[21] Kreem J. The Business of War: Mercenary Market and Organisation in Reval in the Fifteenth and early Sixteenth centuries / Juhan Kreem. // Scandinavian Economic History Review. — 2001. — Bd. 49 (2). — P. 26–42.

[22] Одним из примеров подобного рода документации является перечень средств, затраченных «новгородскими гостями» на комплектацию судов наемниками за 1450 год, в котором постатейно приведен механизм найма солдат, их организации и размещения на кораблях (LUB. — Bd. 8. — № 737).

ли в возмещении расходов, понесенных ливонцами при организации посольств Готшалка Реммелингроде и Томаса Шрове в Москву, а также сопутствующих затрат^[23]. Судя по всему, «новгородских гостей» среди плененных великим князем Иваном III (1462 – 1505) купцов не было. Стоит предположить, что к концу XV века «новгородские гости» стали осуществлять торговлю в Ливонии и России исключительно при помощи торговых посредников (kaufgesellen). Роль гезелле в ганзейской торговле на данный момент обстоятельно не изучена, хотя ряд авторов касался обозначенной тематики^[24]. Торговыми представителями чаще всего были молодые купцы, которые совершали сделки от имени своего работодателя, но при этом могли самостоятельно торговать небольшими партиями товара. Подобное сотрудничество было выгодно обеим сторонам: состоятельный купец получал возможность вести крупную торговлю в разных точках Балтийского региона, а юный гезелле учился купеческому ремеслу и обзаводился собственными торговыми партнерами. Источники, принадлежащие гильдии «новгородских гостей», позволяют подробно воссоздать специфику организации деятельности гезелле и определить место торговых приказчиков в системе русско-ганзейского товарообмена^[25].

Наиболее сложным представляется

вопрос о положении купцов гильдии на Немецком подворье в Новгороде. На данный момент касательно XV века по нему нельзя ответить также однозначно, как, к примеру, относительно начала XVII века, когда «новгородские гости» фактически контролировали всю ганзейскую торговлю с Россией и занялись восстановлением новгородского подворья^[26]. Однако кропотливое изучение источников, в первую очередь, касающихся взаимоотношений «новгородских гостей» с магистратом Любека, а также отражающих организацию торговли гильдии в Ливонии и России, способно пролить свет на данную проблему.

История «новгородских гостей» Любека основательно вплетена в строившуюся столетиями систему русско-ганзейских отношений. С одной стороны, гильдию нельзя рассматривать в отрыве от «Русской Ганзы», так как изолированные от общего контекста события теряют свою актуальность. С другой стороны, исследование торговой стратегии и предпринимательских методов «новгородских гостей», равно как истории становления и развития гильдии позволит взглянуть на внутреннее устройство Ганзы свежим взглядом, ведь источники, связанные с деятельностью корпорации, раскрывают многие аспекты функционирования множества характерных для рассматриваемого периода. Помимо этого, документы

[23] HR 3. — Bd. 3. — № 434.

[24] Mühlen H. v. z. Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts / Heinz von zur Mühlen. — Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1985. — S. 1–49; Hammel-Kiesow R. Die Hanse... S. 52–53; Cordes A. Die Rolle der Handelsgesellschaften in der Arbeitswelt des spätmittelalterlichen Hansekaufmanns / Albrecht Cordes. // Die Rolle der Stadtgemeinden und bürgerlichen Genossenschaften im Hanseraum in der Entwicklung und Vermittlung des gesellschaftlichen und kulturellen Gedankengutes im Spätmittelalter. — Torun, 2000. — S. 39–40; Cordes A. Wie verdiente der Kaufmann sein Geld? / Albrecht Cordes. // Hansische Handelsgesellschaften im Mittelalter. — Lübeck, 2000. — S. 6–14.

[25] LEKUB 1. — Bd. 12. — № 88; HUB. — Bd. 11. — № 458, 593; LEKUB 2. — Bd. 2. — № 227.

[26] Angermann N. Die Lübecker Hof in Novgorod // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck: Verlag Max Schmidt-Römhild, 1974. Bd. 54. S. 81–86; Iwanov I. Hansische Niederlassungen in Russland um 1600 // Hansische Geschichtsblätter. Trier: Porta Alba, 2015. Bd. 133. S. 168.

«новгородских гостей» изобилуют антропологическим материалом, полезным для попытки реконструкции повседневной жизни ганзейских купцов, так как представляют собой деловую переписку, различные постановления, жалобы

и судебные прецеденты. Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что определение проблемного поля, с которым может и должен работать исследователь, является первостепенной его задачей, которой нельзя пренебречь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Angermann N. Die Lübecker Hof in Novgorod / Norbert Angermann. // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck: Verlag Max Schmidt-Römhild, 1974. — Bd. 54. — S. 81–86.
2. Bessudnova M. Die Schließung des hansischen Kontors in Nowgorod im Jahre 1494 im Kontext der Beziehungen der Großfürsten von Moskau zu Maximilian von Habsburg / Marina Bessudnova. // Hansische Geschichtsblätter. Trier: Porta Alba, 2009. — Bd. 127. — S. 69–100.
3. Cordes A. Die Rolle der Handelsgesellschaften in der Arbeitswelt des spätmittelalterlichen Hansekaufmanns / Albrecht Cordes. // Die Rolle der Stadtgemeinden und bürgerlichen Genossenschaften im Hanseraum in der Entwicklung und Vermittlung des gesellschaftlichen und kulturellen Gedankengutes im Spätmittelalter. — Torun, 2000. — S. 33–48.
4. Cordes A. Wie verdiente der Kaufmann sein Geld? / Albrecht Cordes. // Hansische Handelsgesellschaften im Mittelalter. — Lübeck, 2000. — S. 6–14.
5. Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters / Leopold Karl Goetz. — Lübeck, 1922. — 572 s.
6. Hammel-Kiesow R. Die Hanse / Rolf Hammel-Kiesow. — München: C. H. Beck Verlag, 2000. — 128 s.
7. Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 17/18. Jahrhundert (Zweiter Teil) / Elisabeth Harder. // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. — Lübeck: Verlag Max Schmidt-Römhild, 1962. — Bd. 42. — S. 5–54.
8. Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert (Ersten Teil) / Elisabeth Harder. // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. — Lübeck: Verlag Max Schmidt-Römhild, 1961. — Bd. 41. — S. 43–114.
9. Harder-Gersdorff E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs / Elisabeth Harder-Gersdorff. // Hansische Geschichtsblätter. — Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. — Bd. 120. — S. 97–147.
10. Iwanov I. Hansische Niederlassungen in Russland um 1600 / Iwan Iwanov. // Hansische Geschichtsblätter. — Trier: Porta Alba, 2015. — Bd. 133. — S. 163–182.
11. Kreem J. The Business of War: Mercenary Market and Organisation in Reval in the Fifteenth and early Sixteenth centuries / Juhan Kreem. // Scandinavian Economic History Review. — 2001. — Bd. 49 (2). — P. 26–42.
12. Mühlen H. v. z. Reval vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Gestalten und Generationen eines Ratsgeschlechts / Heinz von zur Mühlen. — Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1985. — 432 s.
13. Reisenkampff N. G. Die Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schließung durch Iwan Wasiljewitsch III. im Jahre 1494 / N. G. Reisenkampff. — Dorpat: Schünmann's Wittwe & C. Mattiesen, 1854. — 129 s.
14. Sarnowsky J. The „Golden Age“ of the Hanseatic League / Jürgen Sarnowsky. // A Companion to the Hanseatic League. — Leiden; Boston: Brill, 2018. — P. 64–100.

Сотрудничество Российской Федерации и стран Африки южнее Сахары в военно-технической сфере: состояние и перспективы

Марина Шатрова, Анатолий Щёкин
МГИМО

АННОТАЦИЯ

В последние годы набирает обороты военно-техническое сотрудничество России со странами Африки южнее Сахары (АЮС) — регионом, который с 90-х гг. незаслуженно остался «в стороне» от главного вектора российской внешней политики и внешне-торговой деятельности. Так, в 90-е гг. XX века и вовсе был закрыт ряд российских дипломатических и консульских представительств, культурных центров в Африке. Сейчас же, несмотря на некоторые сохраняющиеся трудности, РФ уделяет все большее внимание своей политике на африканском континенте.

Африка — регион с колоссальным потенциалом развития. «Африка находится сейчас в том же положении, в каком был Китай в 1990-е: как тигр перед прыжком», — считает, например, профессор Кембриджского университета Ха Джун Чхан. И РФ сейчас активно возвращается в регион, прежде всего экономически. Масштабным мероприятием, которое может стать поворотной точкой в российско-африканских отношениях, стал прошедший осенью 2019 г. форум «Россия–Африка» под девизом «За мир, безопасность и развитие». Как отметил Президент России В. Путин, это — «первая встреча такого масштаба, что убедительно свидетельствует о взаимном стремлении развивать контакты

на всех направлениях, укреплять многоплановое партнёрство». В ходе форума Россия заключила соглашения о военно-техническом сотрудничестве с более чем тридцатью странами Африки.

Военно-техническое сотрудничество вообще является одним из важнейших направлений сотрудничества РФ со странами АЮС. Как отметил гендиректор Рособоронэкспорта, РФ уже долгие годы сохраняет первое место по поставкам вооружений в страны южнее Сахары, и намерена сохранять лидерство в этом отношении, несмотря на конкуренцию со стороны США и КНР. Тем не менее, развитие ВТС России с субсахарскими государствами зачастую сдерживают объективные причины, такие как низкая платёжеспособность африканских государств.

Целью настоящей статьи является анализ состояния и перспектив военно-технического сотрудничества между Россией и странами АЮС. В связи с этим в статье рассматривается история российско-африканского сотрудничества в данной сфере, анализируется его текущее положение, проблемы и перспективы, в том числе на примере отдельных государств, наиболее активно развивающих ВТС с Россией: Судана, Нигерии, ЮАР и Мали.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Россия, Африка, военно-техническое сотрудничество, поставки вооружений, обучение военнослужащих

Military-Technical Cooperation between the Russian Federation and Sub-Saharan Africa: Current State and Prospects

Marina Shatrova, Anatoly Shchyokin

MGIMO

ABSTRACT

Military-technical cooperation between Russia and Sub-Saharan Africa has been developing rapidly these days, though in the 1990s this region was unjustly left “on the sidelines” of the main vector of Russian foreign policy and foreign trade. For example, a few Russian diplomatic missions to and consulates in Africa were closed in the 1990s. However, today, despite some remaining difficulties, the Russian Federation is paying growing attention to its policy on the African continent.

Africa is a region with a huge development potential. “Africa today is in the same position as China was in the 1990s: like a tiger before a jump”, says, for instance, Ha-Joon Chang, a professor of Cambridge University. And Russia is now returning to the region, first of all, in the economic sphere. Russian-African forum, which took place in autumn 2019 with the motto “For peace, security and development”, became an event of a very large scale and may be a turning point in Russian-African relations. Russian President V. Putin said that it was “the first meeting of such a scale, which is a clear evidence of mutual willingness to... strengthen multidimensional partnership.” During the forum, Russia signed deals on military-technical cooperation with more than thirty African states.

Military-technical cooperation is one of the most significant areas of cooperation between Russia and Sub-Saharan Africa. As the Director of Rosoboronexport noted, for many years Russia has been maintaining the top position in terms of arms supplies to Sub-Saharan countries and intends to maintain its leadership in this sphere, despite competition from the United States and China. However, the development of Russia's military-technical cooperation with African States is often hindered by objective reasons such as the low solvency of these countries.

The article It also analyzes the relations in the sphere of military-technical cooperation and gives prospects for such collaboration both in general and with some countries of the region in particular.

The objective of this article is to analyze the current status and the prospects of the military-technical cooperation between Russia and the countries of Sub-Saharan Africa. To this end, the article considers its present state, problems and prospects, using also the examples of some countries that are developing their military-technical ties with Russia most rapidly – Sudan, Nigeria, the RSA and Mali.

KEY WORDS

“Nowgorodfahrer”, Lübeck, Veliky Novgorod, Reval, Hanseatic trade.

В данной статье под военно-техническим сотрудничеством мы понимаем экспорт и импорт вооружения и военной техники (ВВТ), их дальнейшее обслуживание, совместную разработку образцов ВВТ, а также иные контакты между военными, имеющие целью укрепление обороноспособности одного государства посредством предоставления услуг (обучения, тренировки, направления военных советников и т. д.) со стороны другого государства.

Военно-техническое сотрудничество СССР и стран Африки южнее Сахары стало активно развиваться в 1960-е гг., параллельно с активизацией процесса деколонизации стран южного континента. Африка стала важным направлением внешней политики СССР, который активно поддерживал формирование суверенных африканских государств как путем установления дипломатических отношений, так и оказанием экономической, технической помощи.^[1] Сотрудничество при этом развивалось в русле императивов холодной войны, когда африканским государствам приходилось лавировать между сверхдержавами, и сближение с одной из них неизбежно вело к обострению конфликтных ситуаций (как можно видеть на примере гражданской войны в Анголе и эфиопо-сомалийского конфликта).

После распада СССР Российская Федерация в 90-е гг. фактически «ушла» из Африки. Образовавшийся «разрыв» начали устранять лишь в начале нового века. Пока, к сожалению, не удалось

в полной мере компенсировать снижение российского влияния в регионе и восполнить потерю знаний друг о друге, однако уже можно с уверенностью сказать, что начался новый виток отношений уже между Россией и Африкой, в том числе Африкой южнее Сахары. Сейчас Российская Федерация является основным поставщиком ВВТ на Африканский континент (см. Приложение 1).

Так, в последние годы Африка становится важным направлением развития российского военно-технического сотрудничества, отметил директор Федеральной службы по ВТС Дмитрий Шугаев в сентябре 2018 г. в интервью агентству «Интерфакс»^[2]. Тем не менее, глава ведомства признаёт, что, пытаясь восстановить свои позиции в регионе, РФ сталкивается с рядом вызовов.

Во-первых, перспективы данного рынка вооружений неоднозначны. Страны АЮС обладают низкой платёжеспособностью, что обусловливается социально-экономической ситуацией в странах региона. Так, Ангола, Уганда, Мали, Буркина-Фасо — целый ряд государств, сотрудничество с которыми является наиболее активным и перспективным с точки зрения России, — находятся в числе наименее развитых стран по классификации ООН; это страны «с низким доходом, сталкивающиеся с серьёзными структурными препятствиями к устойчивому развитию. Они сильно подвержены экономическим и экологическим потрясениям и имеют низкий уровень раз-

[1] Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки. Досье // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/info/3237652> (дата обращения: 15.06.2020).

[2] Директор ФСВТС: Российское оружие возвращается в Африку // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (дата обращения: 20.05.2020).

вития человеческого капитала»^[3]. Это означает, что делать на них «ставку» как на долгосрочных экономических партнёров достаточно затруднительно. В ряде стран региона сохраняется политическая нестабильность. Гражданские конфликты продолжаются в ЦАР, Ливии, ДРК и Сомали. Актуальна и проблема исламского терроризма в регионе.

С другой стороны, как отмечает заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки РАН Евгений Корендясов, нестабильность в регионе, террористические угрозы и борьба между странами за региональное лидерство объективно способствует росту спроса на вооружение в странах региона. В частности, как отмечает SIPRI, существенный вклад в объёмы поставок вооружения и техники в регион внесла совместная военная операция Камеруна, Чада, Нигера и Нигерии в 2015 г. против террористического движения Боко харам (с 2015 г. — провинция запрещённого в России Исламского государства).^[4]

Тем не менее, поставщикам необходимо приспосабливаться к особенностям местного рынка, таким как: высокие требования к соотношению «цена/качество», заинтересованность в высококачественном послепродаж-

ном обслуживании и возможностях модернизации со сравнительно низкими затратами. С этой целью, например, в ЮАР и Эфиопии действуют сервисные предприятия для обслуживания и модификации советской и российской вертолётной техники.^[5]

Согласно ежегодным отчётам института SIPRI, доля АЮС в мировых военных расходах крайне низка. Так, в 2018 г. совокупные военные расходы стран региона составили \$18,4 млрд — один из самых низких показателей в мире. Доля АЮС в мировом импорте вооружений также невелика: на этот регион, согласно отчёту SIPRI, приходилось в 2019 г. только 1,9% всего мирового импорта. Для сравнения: на Северную Африку приходилось 5,9%; на Южную Америку — 2,4% (см. Приложение 2).^[6] В среднем в 2016 – 2020 гг. на АЮС приходилось всего 26% всего импорта вооружений африканского континента (остальные 74% — на Северную Африку).^[7]

В глобальном тренде, впрочем, в 2009 – 2018 гг. прирост военных расходов стран Африки южнее Сахары был одним из самых быстрых в мире, составив порядка 40% и уступив только Северной Африке и Восточной Азии. Импорт вооружения в регион возрос в 1990 – 2015 гг. на 33%.^[8]

[3] United Nations. Department of Economic and Social Affairs Economic Analysis: Least Developed Countries (LDCs). — 2020. — URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/least-developed-country-category.html> (Access mode: 20.05.2020).

[4] Trends in international arms transfers, 2015 // SIPRI Fact Sheet. — 2016. — February. — Stockholm International Peace Research Institute. — P. 5.

[5] Корендясов Е.Н. Россия наступает на рынки вооружений и военной техники в Африке / Е.Н. Корендясов // Российский совет по международным делам. — 2017. — 11 мая. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-nastupaet-na-rynki-vooruzheniy-i-voennoy-tehniki-v-afrike/> (дата обращения: 29.03.2021).

[6] SIPRI Yearbook 2019 Chapter 5. International arms transfers and developments in arms production // Oxford University Press. — URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2019/05> (Access mode: 20.05.2020).

[7] Trends in international arms transfers, 2020. — SIPRI Fact Sheet. — 2021. — March. — Stockholm International Peace Research Institute. — P. 8.

[8] Arms imports (SIPRI trend indicator values) - Sub-Saharan Africa, Middle East & North Africa, Latin America & Caribbean

И хотя здесь, скорее всего, сказывается фактор «низкого старта» (когда из-за низких начальных показателей высокие темпы роста соответствуют всё равно низким абсолютным значениям), рынок вооружений АЮС в настоящий момент остаётся, по словам директора Центра анализа стратегий и технологий и члена Общественного совета при Минобороны РФ Руслана Пухова, наименее насыщенным по сравнению с, например, азиатскими или латиноамериканскими, а значит — и наиболее перспективным, с наибольшими возможностями наращивания поставок.^[9]

Во-вторых, по сравнению с советским периодом, сейчас Россия действует на континенте в совершенно иных условиях с точки зрения конкуренции.

Ранее европейские страны и США хоть и поставляли оружие в Африку южнее Сахары, но не имели в регионе того авторитета, которым обладал СССР, внёсший огромный вклад в процессы деколонизации на континенте.^[10] Так, именно «по инициативе и настоянию СССР» в 1960 г. была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, а в 1963 г. — Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В 1973 г.

Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о пресечении преступлений апартеида и наказании за него, которую предложили СССР и Гвинея. Кроме того, отношения Советского Союза со странами Африки строились на льготных условиях, доля льготного или вовсе безвозмездного кредитования составляла зачастую более 40%.^[11] Военная техника часто поставлялась на безвозмездной основе.^[12]

По словам экспертов, «легкий антиимпериалистический флер сохраняется у российско-африканского диалога и сегодня»^[13], но всё же Россия уже не находится для стран АЮС в том привилегированном положении, в котором находился СССР. Сегодня Россия действует на рынке вооружений и военной техники на основе рыночного принципа рентабельности и сталкивается в связи с этим с серьезной конкуренцией со стороны США, ЕС, КНР и других государств, которые в последние десятилетия прочно закрепились в регионе.

Китай в 2012 – 2016 гг. увеличил экспорт вооружения в Африку на 122% по сравнению с 2007 – 2011 гг.^[14] С 2017 г. КНР имеет военную базу в Джибути. И хотя сейчас доля Китая в военном импорте стран континента в разы ниже

// The World Bank Data. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.MPRT.KD?locations=ZG> (Access mode: 25.03.2021).

[9] Божов О. Окно в Африку. Российские производители оружия строят планы возвращения на африканский рынок / О. Божов. — 2020. — URL: <https://armystandard.ru/news/20204221824-miC1r.html> (дата обращения: 29.03.2021).

[10] Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки. Досье // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/info/3237652> (дата обращения: 15.06.2020).

[11] О роли России (Советского Союза) в становлении независимости африканских государств // Посольство Российской Федерации в Республике Южная Осетия. — URL: https://rfsosetia.mid.ru/voprosy-dekolonizacii/-/asset_publisher/h52AezSD6sJI/content/o-rol-i-rossii-sovetskogo-souza-v-stanovlenii-nezavisimosti-afrikanskih-gosudarstv?inheritRedirect=false (дата обращения: 25.03.2021).

[12] Директор ФCBTC: Российское оружие возвращается в Африку // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (дата обращения: 20.05.2020).

[13] В одну и ту же Африку нельзя войти дважды // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4134125> (дата обращения: 20.05.2020).

[14] SIPRI Yearbook 2019 Chapter 5. International arms transfers and developments in arms production // Oxford University Press. — URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2019/05> (Access mode: 20.05.2020).

доли России (по данным the Interpreter — 13% и 39% соответственно^[15], по данным SIPRI — 20% и 30%), в связи со стремительным ростом масштабов ВТС Китай может потеснить позиции РФ на континенте, особенно учитывая тот факт, что КНР готов поставлять в регион самые разные виды вооружений от БПЛА до танков. Как свидетельствует статистика (см. Приложение 3), сегодня Россия по-прежнему остаётся лидером в сфере поставок ВВТ в регион, но Китай к ней приблизился вплотную, сильно нарастив поставки приемлемых по качеству и недорогих по цене вооружений и техники в последние десятилетия и используя также своё растущее экономическое и политическое влияние (через кредиты, соглашения о сотрудничестве, военную базу в Джибути и т.д.). Со всем этим придётся считаться России, планируя новые контракты.

США, как отмечает эксперт французского института IFRI Алин Лебёф, являются крупнейшим финансовым игроком в сфере ВТС со странами Африки и осуществляют там наибольшее количество программ (всего 194).^[16] Так, США занимаются подготовкой солдат армий Бурунди, Руанды, Уганды, Нигера и Танзании. Доля США в импорте вооружений стран региона только ненамного превышает долю КНР (14%, данные The Interpreter), но также представлена широкой номенклатурой (от истребителей до газовых турбин

для военных кораблей). Более того, по замечанию А. Лебёф, поставка вооружений — это лишь небольшая часть американо-африканского военно-технического сотрудничества, которое включает подготовку личного состава, направление военных специалистов, размещение военных баз, совместные учения и т.д.^[17]

Активизируют ВТС с данным регионом и другие государства: Франция, Германия, Япония, Турция, Саудовская Аравия, Украина и ряд собственно африканских стран (в первую очередь Марокко и ЮАР).

Таким образом, в настоящий момент позиции России на рынке вооружений в АЮС стабильны, однако растёт конкуренция со стороны других стран (в первую очередь Китая и западноевропейских стран), и, чтобы сохранить и тем более усилить свои позиции в регионе, России придётся преодолеть целый ряд трудностей, связанных как с политической и социально-экономической ситуацией в странах АЮС, так и с экспансией в регионе других крупных экспортёров вооружения.

Российская Федерация продолжает активно усиливать взаимодействие со странами АЮС. В регион направляются российские специалисты, помогающие в ремонте и модернизации уже имеющейся там военной техники, поставленной ранее СССР и зарекомендовавшей себя «как одна из самых качественных и практичных»^[18].

[15] China's arms trade: a rival for global influence? // The Interpreter. — 2018. — URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/chinas-arms-trade-rival-global-influence> (Access mode: 20.05.2020).

[16] Aline Leboeuf. Cooperating with African Armed Forces / Aline Leboeuf // IFRI. — 2018. — URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/leboeuf_cooperating_african_armed_forces_2018.pdf (Access mode: 20.05.2020).

[17] Aline Leboeuf. Cooperating with African Armed Forces / Aline Leboeuf // IFRI. — 2018. — URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/leboeuf_cooperating_african_armed_forces_2018.pdf (Access mode: 20.05.2020).

[18] Директор ФСВТС: Российское оружие возвращается в Африку // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (дата обращения: 20.05.2020).

По словам директора ФСВТС Д. Шугаева, среди стран региона наиболее востребованы российские вертолеты «Ми», истребители «Су» и «МиГ», а также зенитные комплексы: ЗРПК «Панцирь-С1», ЗРК «Тор-М2Э». Ведутся активные поставки противотанкового ракетного комплекса «Корнет-Э», различной бронетехники и стрелкового оружия.^[19]

Так, например, Ангола с 90-х гг. активно покупает российские БМП и транспортные вертолёты семейства Ми-8/Ми-17, в 2016 г. получила партию из 12 боевых вертолётов семейства Ми-24/Ми-35, а в 2017 – 2019 гг. был реализован контракт на поставку вооружённым силам Республики 12 истребителей Су-30К (правда, не новых, а уже эксплуатировавшихся в Индии)^[20]. Уганда в 2011 – 2013 гг. получила 6 истребителей Су-30МК2 со штатным боекомплектom, а также 1000 единиц ПТРК «Корнет-Э». В 2011 г. в Уганду было поставлено 44 танка Т-90С.^[21] В 2018 г. страна изъявляла желание приобрести российские системы ПВО, однако, по всей видимости, дальше планов дело пока так и не пошло.

Всё активнее налаживается политический диалог между Россией и Африкой, тем самым закладывается прочный фундамент в том числе и военно-технического сотруд-

ничества. В июне 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев посетил сразу четыре африканские страны, включая государства АЮС: Нигерию, Намибию и Анголу. Во время четырехдневного турне президента обсуждались различные темы, включавшие в себя и инвестиционную политику, которая тесно связана с вопросами вооружений.

В 2014 – 2019 гг. были подписаны соглашения о военно-техническом сотрудничестве с двадцатью африканскими странами. В основном данные документы касаются продолжения помощи со стороны РФ в обслуживании техники, а также тренировки африканских военных, поставок оружия. В 2017 г. впервые состоялась встреча российско-мозамбикской рабочей группы по ВТС.^[22]

Всего с 2000 по 2016 гг. поставки российских вооружений в страны Африки составили 13,5% всего военного экспорта РФ.^[23]

В марте 2018 г. глава российского МИДа Сергей Лавров встретился с главами ряда африканских государств: Анголы, Намибии Мозамбика, Зимбабве, Эфиопии. В ходе данного турне особое внимание уделялось военно-техническим отношениям. А уже в 2019 г. в Сочи был проведен масштабный саммит «Россия — Африка». Как подчеркнул В. Путин, это «первая встреча такого масштаба, что убедительно свидетельствует

[19] Объем заказов стран Африки южнее Сахары на российское оружие достиг \$2 млрд // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7038502> (дата обращения: 16.06.2020).

[20] SIPRI Trade registers: Supplier: Russia; Recipient: Angola. The range of years: from 1990 to 2019. — URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Access date: 16.06.2020).

[21] SIPRI Trade registers: Supplier: Russia; Recipient: Uganda. The range of years: from 1990 to 2019. — URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Access date: 16.06.2020).

[22] Новые перспективы российско-африканского сотрудничества (к итогам визита Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова в Африку // Журнал Международная жизнь. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19483> (дата обращения: 25.05.2020).

[23] Р. Савинов. Россия в Африке: эволюция и новые горизонты сотрудничества / Р. Савинов // Global Centre HSE. — URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/2019/11/21/1519715200/Россия-Африка.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

о взаимном стремлении развивать контакты на всех направлениях, укреплять многоплановое партнёрство».^[24] По результатам форума, Россия заключила соглашения о военно-техническом сотрудничестве с более чем тридцатью странами Африки.

Рассмотрим некоторые страны региона, военно-техническое сотрудничество которых с РФ развивается в настоящий момент наиболее динамично.

СУДАН

Как отметил в интервью РИА Новости посол России в Республике Судан В. Желтов, «Москва и Хартум заинтересованы в дальнейшем развитии военно-технического сотрудничества»^[25]. Показателем серьёзности этих намерений является, в частности, подписание в мае 2019 г. соглашения о создании в Судане представительства Минобороны РФ. Ещё с конца 1990-х гг. Судан покупает российские БТРы, истребители (МиГ-29С), вертолёты (семейства Ми-8/Ми-17 и Ми-24/Ми-35), транспортные самолёты и т. д.^[26] Сейчас, когда Судан начинает модернизацию своей армии, РФ может рассчитывать на заказы в размере до \$1 млрд в течение следующих нескольких лет. Планируются покупки авиации и лёгкой бронетехники. Работают в Судане помогающие обучать суданских военнослужащих

российские военные инструкторы: «и частные, и государственные»^[27].

Можно сделать вывод, что российско-суданское военно-техническое сотрудничество в последние годы стремительно набирает обороты, продолжая заложенную ещё в советское время традицию продуктивного взаимодействия по самым разным направлениям.

НИГЕРИЯ

Федеративная Республика Нигерия является одним из важнейших африканских партнёров для России. Ещё в самом начале XXI столетия поставка нескольких российских боевых вертолётов Ми-24П/Ми-35П положила начало активному сотрудничеству государств в военно-технической сфере. В марте 2001 г. было подписано двустороннее военно-техническое соглашение.^[28] В 2001 – 2002 гг. РФ экспортировала лёгкие вертолёты Ми-34С для тренировок нигерийских военных. После некоторого перерыва уже в 2014 – 2015 гг. и 2017 – 2019 гг. Нигерия получила подержанные российские ударные вертолёты Ми-35М. В 2015 г. Россия направила военно-транспортные вертолёты Ми-8МТ/Ми-17. В 2017 – 2019 гг. ФРН закупила у России противотанковые ракеты 9М114 Штурм/АТ-6 для боевых вертолётов Ми-35М.^[29] Кроме того, в 2017 г. было подписано двустороннее

[24] Саммит Россия-Африка // Кремль. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61893> (дата обращения: 25.05.20).

[25] Владимир Желтов: Судан заинтересован в развитии ВТС с Россией // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20200209/1564403416.html> (дата обращения: 20.05.2020).

[26] SIPRI Trade registers: Supplier: Russia; Recipient: Sudan; The range of years: from 1991 to 2019. — URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Access date: 20.05.2020).

[27] Кремль заявил о легитимности работы российских инструкторов в Судан // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5c4ed6759a7947186ac834f7> (дата обращения: 20.05.2020).

[28] Сотрудничество с Нигерией // Рособоронэкспорт. — URL: <http://roe.ru/export/nigeriya/> (дата обращения: 26.05.2020).

[29] SIPRI Trade registers: Supplier: Russia; Recipient: Nigeria. The range of years: from 1991 to 2019. — URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Access date: 26.05.2020).

соглашение о военно-техническом сотрудничестве.^[30]

В настоящее время страны ведут переговоры об обеспечении нигерийских вооружённых сил российскими истребителями Су-57 и техникой для разведки^[31] и планируют и дальше развивать сотрудничество.

ЮАР

«Южно-Африканская Республика — один из ключевых партнеров России на африканском континенте», — отмечает директор ФСВТС России Д. Шугаев.^[32] Причём особенность сотрудничества с этой страной заключается в том, что оно предусматривает не просто военные поставки, а, в перспективе, совместное производство военной техники: бронетехники, БПЛА и артиллерийских систем. Интересуют ЮАР и российские методики военного обучения. Пока же РФ оказывает, например, содействие южноафриканской компании Denel Aviation в организации работы центра обслуживания и ремонта советской и российской вертолётной техники, действующей в ЮАР^[33]. В Республике работает представительство Ростеха.

Важным сигналом о реальных намерениях укрепления двустороннего

военно-технического сотрудничества стал визит в октябре 2019 г. двух российских стратегических ракетоносцев Ту-160 на южноафриканскую авиабазу Ватерклүф.

МАЛИ

В 2017 г. РФ поставила в Республику Мали транспортно-боевые вертолёты Ми-35М^[34], весной 2019 г. Правительство России одобрило проект соглашения о военно-техническом сотрудничестве с Мали, а уже в июне 2019 г. его подписали Министр обороны РФ Сергей Шойгу и дивизионный генерал ВС Мали Ибрахим Дахиру Дембеле. Согласно данному соглашению, планируется не только поставка вооружений, но и организация совместной подготовки военных специалистов.^[35]

В целом, как отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров, между Россией и Мали сохраняется «взаимный настрой на дальнейшее наращивание военного и военно-технического сотрудничества,^[36] что позволяет в перспективе ожидать роста масштабов ВТС между государствами.

Таким образом, перспективы ВТС России со странами АЮС выглядят достаточно благоприятно. Приходится

[30] Межгосударственные отношения России и Нигерии // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20191023/1560062975.html> (дата обращения: 26.05.2020).

[31] Военная «переориентация» Нигерии подтверждает надёжность России в исполнении обязательств // Экономика сегодня. — URL: <https://3mv.ru/139136-voennaya-pereorientaciya-nigerii-podtverzhdaet-nadezhnost-rossii-v-ispolnenii-obyazatelstv.html> (дата обращения: 26.05.2020).

[32] Директор ФСВТС: Российское оружие возвращается в Африку // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (дата обращения: 20.05.2020).

[33] Сотрудничество с ЮАР // Рособоронэкспорт. — URL: <http://roe.ru/export/yuar/> (дата обращения: 20.05.2020).

[34] SIPRI Trade registers: Supplier: Russia; Recipient: Mali. The range of years: from 1991 to 2019. — URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Access date: 26.05.2020).

[35] Кабмин одобрил проект военно-технического сотрудничества с Мали // Военное обозрение. — URL: <https://topwar.ru/155800-kabmin-odobril-proekt-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-s-mali.html> (дата обращения 26.05.2020).

[36] Лавров: Россия и Мали готовы наращивать военное сотрудничество. // EADaily. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/10/lavrov-rossiya-i-mali-gotovy-narashchivat-voennoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 17.06.2020).

смириться с тем, что монополистами в данной области нам уже не стать, однако шанс занять своё «место под солнцем» у РФ всё же есть. Этому способствуют как объективные факторы — в первую очередь оптимальное сочетание «качество/эффективность» у российского вооружения; так и субъективные — успешный опыт конструктивного сотрудничества в прошлом и отсутствие каких-либо противоречий по основным внешнеполитическим вопросам сейчас^[37]. В последние годы Россия стремительно расширяет географию военно-технического сотрудничества со странами региона (так, с 2014 г. Россия заключила соответствующие соглашения с ЦАР, Мали, Конго,

Руандой, Мадагаскаром и др.). Причём речь идёт не только о поставках оружия, но и о подготовке военнослужащих, а в случае ЮАР — и о совместном производстве военной техники. Особую значимость для РФ данный регион приобретает в условиях санкций со стороны США и их союзников, когда России приходится искать альтернативу старым рынкам^[38]. Остаётся надеяться, что потенциал российско-южноафриканского военно-технического сотрудничества будет реализован в полной мере, а отношения между РФ и странами АЮС и дальше будут развиваться в закладываемом в наши дни русле конструктивного взаимовыгодного сотрудничества.

[37] Россия включилась в борьбу за Африку [Электронный ресурс] // РБК. — 2019. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/10/2019/5d5be92b9a794730930998b5> (дата обращения 19.05.2020).

[38] Трофимова О., Щедрин А. Экономические приоритеты отношений России и Африки южнее Сахары. /О. Трофимова, А. Щедрин // Международные процессы. — 2015. — Том 13. — № 4. — С. 132.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божов О. Окно в Африку. Российские производители оружия строят планы возвращения на африканский рынок / О. Божов. — 2020. — URL: <https://armystandard.ru/news/20204221824-miC1r.html> (дата обращения: 29.03.2021).
2. В одну и ту же Африку нельзя войти дважды // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4134125> (дата обращения: 20.05.2020).
3. Владимир Желтов: Судан заинтересован в развитии ВТС с Россией // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20200209/1564403416.html> (дата обращения: 20.05.2020).
4. Военная «переориентация» Нигерии подтверждает надёжность России в исполнении обязательств // Экономика сегодня. — URL: <https://3mv.ru/139136-voennaya-pereorientaciya-nigerii-podtverzhdaet-nadezhnost-rossii-v-ispolnenii-obyazatelstv.html> (дата обращения: 26.05.2020).
5. Директор ФСВТС: Российское оружие возвращается в Африку // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (дата обращения: 20.05.2020).
6. Кабмин одобрил проект военно-технического сотрудничества с Мали // Военное обозрение. — URL: <https://topwar.ru/155800-kabmin-odobril-proekt-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-s-mali.html> (дата обращения 26.05.2020).
7. Корендясов Е.Н. Россия наступает на рынки вооружений и военной техники в Африке / Е.Н. Корендясов // Российский совет по международным делам. — 2017. — 11 мая. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-nastupaet-na-rynki-vooruzheniy-i-voennoy-tehniki-v-afrike/> (дата обращения: 29.03.2021).

8. Кремль заявил о легитимности работы российских инструкторов в Судан // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c4ed675a7947186ac834f7> (дата обращения: 20.05.2020).
9. Лавров: Россия и Мали готовы наращивать военное сотрудничество. // EADaily. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/10/lavrov-rossiya-i-mali-gotovy-narashchivat-voennoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 17.06.2020).
10. Межгосударственные отношения России и Нигерии // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20191023/1560062975.html> (дата обращения: 26.05.2020).
11. Новые перспективы российско-африканского сотрудничества (к итогам визита Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова в Африку // Журнал Международная жизнь. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19483> (дата обращения: 25.05.20).
12. О роли России (Советского Союза) в становлении независимости африканских государств // Посольство Российской Федерации в Республике Южная Осетия. — URL: https://rfsosetia.mid.ru/voprosy-dekolonizacii/-/asset_publisher/h52AezSD6sJI/content/o-rol-i-rossii-sovetskogo-souza-v-stanovlenii-nezavisimosti-afrikanskih-gosudarstv?inheritRedirect=false (дата обращения: 25.03.2021).
13. Объем заказов стран Африки южнее Сахары на российское оружие достиг \$2 млрд // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7038502> (дата обращения: 16.06.2020).
14. Основные поставщики ВВБТ на рынок Африки и крупнейшие импортеры вооружений на африканском континенте // Центр анализа мировой торговли оружием. Журнал «Национальная оборона». — 2019. — 21 октября. — URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/news/2019/1021/145054944/detail.shtml> (дата обращения: 22.04.2021).
15. Р. Савинов. Россия в Африке: эволюция и новые горизонты сотрудничества // Global Centre HSE. — URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/2019/11/21/1519715200/Россия-Африка.pdf> (дата обращения: 22.05.20).
16. Россия включилась в борьбу за Африку // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/10/2019/5d5be92b9a794730930998b5> (дата обращения: 20.05.2020).
17. Саммит Россия-Африка // Кремль. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61893> (дата обращения: 25.05.20).
18. Сотрудничество с Нигерией // Рособоронэкспорт. — URL: <http://roe.ru/export/nigeriya/> (дата обращения: 26.05.2020).
19. Сотрудничество с ЮАР // Рособоронэкспорт. — URL: <http://roe.ru/export/yuar/> (дата обращения: 20.05.2020).
20. Трофимова О., Щедрин А. Экономические приоритеты отношений России и Африки южнее Сахары / О. Трофимова, А. Щедрин // Международные процессы. — 2015. — Том 13. — № 4. — С. 122-134.
21. Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки. Досье // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/info/3237652> (дата обращения: 15.06.2020).
22. Aline Lebœuf. Cooperating with African Armed Forces // IFRI. — 2018. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/leboeuf_cooperating_african_armed_forces_2018.pdf (Access mode: 20.05.2020).
23. Arms imports (SIPRI trend indicator values) - Sub-Saharan Africa, Middle East & North Africa, Latin America & Caribbean // The World Bank Data. — URL: <https://data.worldbank.org/SD41>

worldbank.org/indicator/MS.MIL.MPRT.KD?locations=ZG (Access mode: 25.03.2021).

24. China's arms trade: a rival for global influence? // The Interpreter. — 2018. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/chinas-arms-trade-rival-global-influence> (Access mode: 20.05.2020).

25. SIPRI Trade registers. — URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Access mode: 20.05.2020).

26. SIPRI Yearbook 2019 Chapter 5. International arms transfers and developments in arms production // Oxford University Press. — URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2019/05> (Access mode: 20.05.2020).

27. Trends in international arms transfers, 2015 // SIPRI Fact Sheet. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2016. — February.

28. Trends in international arms transfers, 2020 // SIPRI Fact Sheet. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2021. — March.

29. United Nations. Department of Economic and Social Affairs Economic Analysis: Least Developed Countries (LDCs). — 2020. — URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/least-developed-country-category.html> (Access mode: 20.05.2020).

30. Wezeman, Peter D, et al. Arms Flows to Sub-Saharan Africa // SIPRI Policy Paper. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2011. — December 30.

REFERENCES

1. Aline Leboeuf. Cooperating with African Armed Forces // IFRI. — 2018. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/leboeuf_cooperating_african_armed_forces_2018.pdf (Access mode: 20.05.2020).

2. Arms imports (SIPRI trend indicator values) - Sub-Saharan Africa, Middle East & North Africa, Latin America & Caribbean // The World Bank Data. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.MPRT.KD?locations=ZG> (Access mode: 25.03.2021).

3. Bozhov O. Okno v Afriku. Rossijskie proizvoditeli oruzhiya stroyat plany vozvrashcheniya na afrikanskij rynek [Russian arm producers are planning to return to the African market]. — 2020. — URL: <https://armystandard.ru/news/20204221824-miC1r.html> (Access mode: 29.03.2021).

4. China's arms trade: a rival for global influence? // The Interpreter. — 2018. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/chinas-arms-trade-rival-global-influence> (Access mode: 20.05.2020).

5. Direktor FSVTS: Rossijskoe oruzhie vozvrashchaetsya v Afriku [FSVTS Director : Russian weapon in Africa] // Interfax. — 2018. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (Access mode: 20.05.2020).

6. Ekonomicheskoe i tekhnicheskoe sotrudnichestvo SSSR so stranami Afriki. Dos'e[USSR economic and technical cooperation with African countries. File] // TASS. — 2016. — URL: <https://tass.ru/info/3237652> (Access mode: 15.06.2020).

7. Kabmin odobril proekt voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva s Mali [The Cabinet approves the project of military and technical cooperation with Mali] // Voennoe obozrenie. — 2019. — URL: <https://topwar.ru/155800-kabmin-odobril-proekt-voenno->

tehnicheskogo-sotrudnichestva-s-mali.html (Access mode: 26.05.20).

8. Korendyasov E.N. Rossiya nastupaet na rynki vooruzhenij i voennoj tekhniki v Afrike [Russia is advancing in African arms and military equipment markets] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Russian Council on International Affairs]. — 2017. — March 11. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-nastupaet-na-rynki-vooruzhenij-i-voennoj-tekhniki-v-afrike/> (Access mode: 29.03.2021).

9. Kreml' zayavil o legitimnosti raboty rossijskih instruktorov v Sudane [The Kremlin claims Russian instructors' workings in Sudan to be legitimate] // RBC. — 2019. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c4ed6759a7947186ac834f7> (Access mode: 20.05.2020).

10. Lavrov: Rossiya i Mali gotovy narashchivat' voennoe sotrudnichestvo [Lavrov: Russia and Mali ready to enhance military cooperation] // EADaily. — 2019. — URL: <https://easily.com/ru/news/2019/06/10/lavrov-rossiya-i-mali-gotovy-narashchivat-voennoe-sotrudnichestvo> (Access mode: 17.06.2020).

11. Mezghosudarstvennye otnosheniya Rossii i Nigerii [Russian-Nigerian relations] // RIA News. — 2019. — URL: <https://ria.ru/20191023/1560062975.html> (Access mode: 26.05.20).

12. Novye perspektivy rossijsko-afrikanskogo sotrudnichestva (k itogam vizita Ministra inostrannyh del RF Sergeya Lavrova v Afriku) [New perspectives of Russian-African collaboration (in the aftermath of Russian Minister for Foreign Affairs S. Lavrov's visit to Africa)] // Zhurnal Mezhdunarodnaya zhizn'. [International Life Journal]. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19483> (Access mode: 25.05.20).

13. Ob»em zakazov stran Afriki yuzhnee Sahary na rossijskoe oruzhie dostig \$2 mlrd [SSA orders of Russian arms reach 2 billion \$] // TASS. — 2019. — URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7038502> (Access mode: 16.06.2020).

14. O roli Rossii (Sovetskogo Soyuza) v stanovlenii nezavisimosti afrikanskih gosudarstv [Russian (Soviet) role in the establishment of African countries' sovereignty] // Posol'stvo Rossijskoj Federacii v Respublike YUzhnaya Osetiya [Russian Embassy in South Osetia]. — URL: https://rfsosetia.mid.ru/voprosy-dekolonizacii/-/asset_publisher/h52AezSD6sJI/content/o-rol-i-rossii-sovetskogo-souza-v-stanovlenii-nezavisimosti-afrikanskih-gosudarstv?inheritRedirect=false (Access mode: 25.03.2021).

15. Osnovnyye postavshchiki ViVT na rynek Afriki i krupneyshiye importery vooruzhenij na afrikanskom kontinente [Main suppliers of arms and military equipment to Africa and the largest importers in the continent] // Tsentralnaya mirovaya trgovlya oruzhiem. Zhurnal «Natsionalnaya oborona» [International Arms Trade Analysis Centre. National Defence Journal]. — 2019. — October 21. — URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/news/2019/1021/145054944/detail.shtml> (Access mode: 22.04.2021).

16. Rossiya vklyuchilas' v bor'bu za Afriku [Russian enters the battle for Africa] // RBC. — 2019. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/10/2019/5d5be92b9a794730930998b5> (Access mode: 20.05.2020).

17. Sammit Rossiya-Afrika [Russian-African summit] // Kremlin. — 2019. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61893> (Access date: 25.05.20).

18. Savinov R. Rossiya v Afrike: evolyuciya i novye gorizonty sotrudnichestva [Russian presence in Africa: the evolution and new horizons for cooperation] // Global Centre HSE. — URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/2019/11/21/1519715200/Rossiya-Afrika.pdf>

(Access mode: 22.05.20).

19. SIPRI Trade registers. — URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Access mode: 20.05.2020).

20. SIPRI Yearbook 2019 Chapter 5. International arms transfers and developments in arms production // Oxford University Press. — URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2019/05> (Access mode: 20.05.2020).

21. Sotrudnichestvo s Nigeriej [Cooperation with Nigeria] // Rosoboroneksport. — 2020. — URL: <http://roe.ru/export/nigeriya/> (Access mode: 26.05.20).

22. Sotrudnichestvo s YUAR [Cooperation with South Africa] // Rosoboronexport. — 2020. — URL: <http://roe.ru/export/yuar/> (Access mode: 20.05.2020).

23. Trends in international arms transfers, 2015 // SIPRI Fact Sheet. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2016. — February.

24. Trends in international arms transfers, 2020 // SIPRI Fact Sheet. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2021. — March.

25. Trofimova O., Shchedrin A. Ekonomicheskie prioritety otnoshenij Rossii i Afriki yuzhnee Sahary [Russian priorities in economic relations with SSA states] // Mezhdunarodnye process [International processes]. — 2015. — Vol. 13. — № 4. — P. 122-134.

26. V odnu i tu zhe Afriku nel'zya vojti dvazhdy [It is impossible to enter the same Africa twice] // Kommersant. — 2019. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4134125> (Access mode: 20.05.2020).

27. Vladimir Zheltov: Sudan zainteresovan v razvitii VTS s Rossiej [Vladimir Zheltov: Sudan is interested in military and technical cooperation with Russia] // RIA News. — 2020. — URL: <https://ria.ru/20200209/1564403416.html> (Access mode: 20.05.2020).

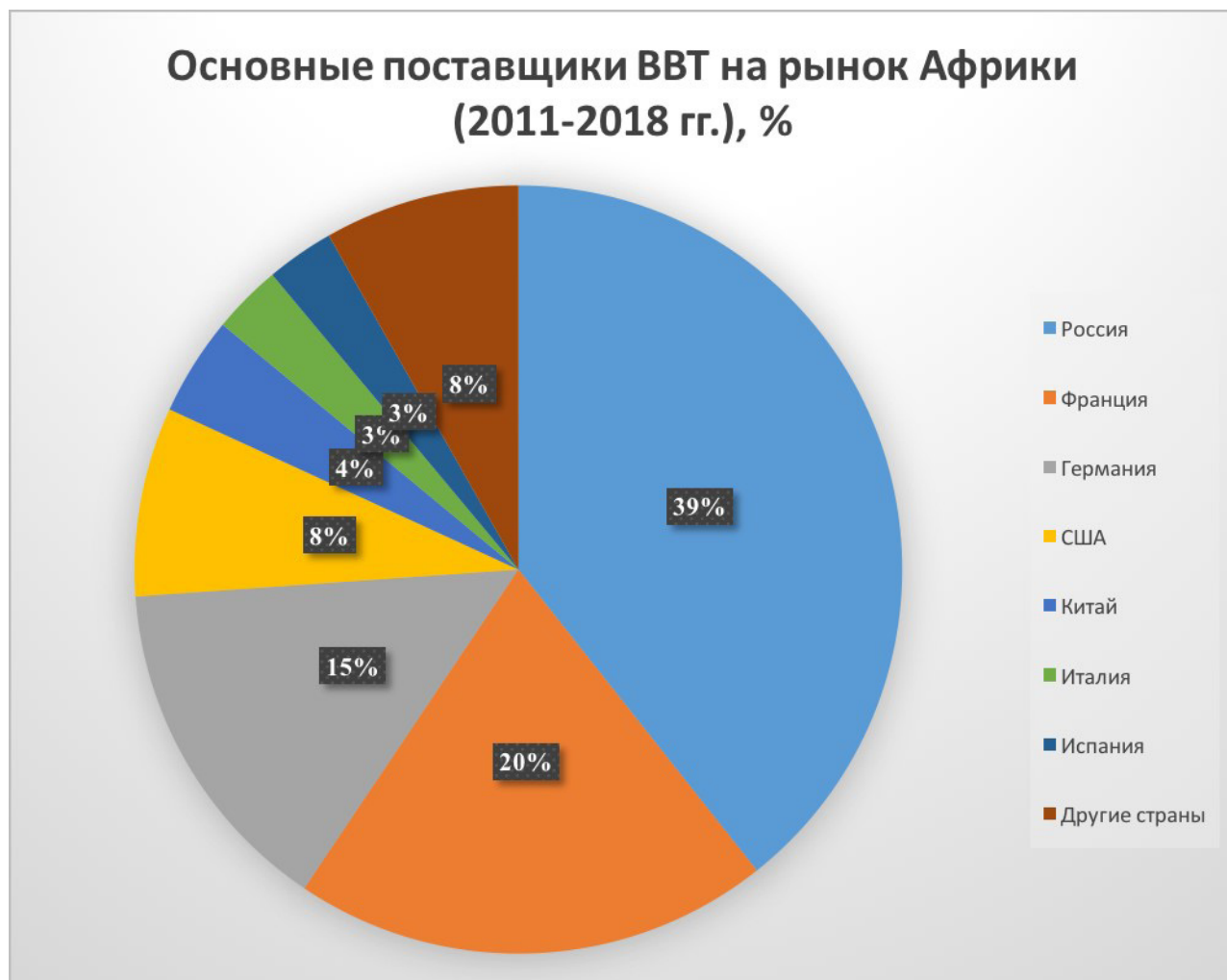
28. Voennaya «pereorientaciya» Nigerii podtverzhdaet nadyozhnost' Rossii v ispolnenii obyazatel'stv [Nigeria's military course change confirms Russian reliability as for its commitments] // Ekonomika segodnya [Economy today]. — 2019. — URL: <https://3mv.ru/139136-voennaya-pereorientaciya-nigerii-podtverzhdaet-nadezhnost-rossii-v-ispolnenii-obyazatelstv.html> (Access mode: 26.05.20).

29. United Nations. Department of Economic and Social Affairs Economic Analysis: Least Developed Countries (LDCs) // 2020. <https://www.un.org/development/desa/dpad/least-developed-country-category.html> (Access mode: 20.05.2020).

30. Wezeman, Peter D, et al. Arms Flows to Sub-Saharan Africa // SIPRI Policy Paper. — Stockholm International Peace Research Institute. — 2011. — December 30.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Основные поставщики ВВТ на рынок Африки (2011-2018 гг.)

*Источник:

Основные поставщики ВВТ на рынок Африки и крупнейшие импортеры вооружений на африканском континенте // Центр анализа мировой торговли оружием. Журнал «Национальная оборона», 21 октября 2019. — URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/news/2019/1021/145054944/detail.shtml> (дата обращения: 22.04.2021)

Приложение 2. Доля регионов мира в мировом экспорте вооружений

Приложение 3. поставщики ВВТ в АЮС в 1995-2020 гг.*

	1996-2000	2001-2005	2006-2010	2011-2015	2016-2020
1 место	Россия	Россия	Китай	Россия	Россия
	31%	51%	25%	25%	30%
2 место	Беларусь	Китай	Украина	Китай	Китай
	12%	9%	20%	24%	20%
3 место	Украина	Украина	Россия	---	Франция
	8%	7%	11%	---	9,5%

*Источники:

Wezeman, Peter D, et al. Arms Flows to Sub-Saharan Africa. SIPRI Policy Paper, 30 December 2011 // Stockholm International Peace Research Institute. P. 10

Trends in international arms transfers, 2020. SIPRI Fact Sheet, March 2021 // Stockholm International Peace Research Institute. P. 8.

В статистике учитывается только торговля оружием. Данные за 1996-2010 гг. приведены, исключая поставки в ЮАР.

Технологические стратегии в рамках национальных инновационных систем на примере Тайваня

Сергей Литвиненко
ДВФУ

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс технологических изменений на Тайване с целью выявления тайваньской модели национальной инновационной системы (НИС) и её характеристик на разных этапах эволюции. Для формирования чёткого представления о характере тайваньской модели из теории инновационного менеджмента заимствуется и переносится на терминологию НИС понятие технологических стратегий

и два их типа: имитационные стратегии (ИС) и стратегии технологического лидерства (СТЛ). Автор выделяет два этапа в ходе эволюции НИС Тайваня и приходит к выводу, что большую роль в развитии системы играют горизонтальные связи между участниками научно-технической сферы — именно они позволили экономике теперь отойти от ИС и двигаться в сторону реализации СТЛ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальная инновационная система, имитационная стратегия, стратегия технологического лидерства, инновационная политика, НТП, НИОКР, Тайвань.

Technological Strategies in Frames of National Innovation Systems: Case of Taiwan

Sergei Litvinenko

FEFU

ABSTRACT

The article examines the process of technological change in Taiwan in order to identify the Taiwanese model of national innovation system (NIS) and its characteristics at different stages of evolution. To form a clear picture of the nature of the Taiwanese model, the notion of technological strategies and their two types: imitative (IS) and technological leadership strategies (TLS) are

borrowed from the theory of innovation management and transferred to the terminology of NIS. The author identifies two stages in the evolution of the Taiwanese NIS and concludes that horizontal linkages between S&T actors play a major role in the development of the system, it is these that have now allowed the economy to move away from IS and towards the implementation of TLS.

KEY WORDS

National innovation system, imitative strategy, technological leadership strategy, innovation policy, S&T, R&D, Taiwan.

Сегодня Северо-Восточная Азия (СВА) — родина новых индустриальных стран — становится одним из центров сосредоточения мирового научно-технического потенциала. Подтверждением выступает статистика Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): по проценту ВВП, затрачиваемого на НИОКР, из первой пятёрки три экономики принадлежат СВА (Республика Корея, Тайвань, Япония)^[1]. Параллельно в мировой политике наблюдается рост значимости научно-технического фактора. Данный фактор всегда имел вес, поскольку научно-технический прогресс (НТП) оказывает непосредственное влияние на развитие общества. Подтверждая такую точку зрения, Стефан Фритч приводит в качестве примера расцвет колониальных империй как результат скачка в области навигации и мореплавания; новые способы ведения конфликта, появившиеся во время Холодной войны, как итог изобретения ядерного оружия. Тем не менее, как фактор, оказывающий непосредственное влияние на международные отношения, НТП стал рассматриваться только с начала 90-х гг.^[2]

Одной из главных причин возросшего интереса стала глобализация, которая повлекла за собой значительные социальные изменения — в их результате зависимость как индивида,

так и общества в целом от новых технологий значительно возросла. Томаш Стемпень, принимая во внимание приведённый выше тренд, рассматривает НТП как, во-первых, двигатель социальных изменений, а, во-вторых, как ключевой элемент новой системы международных отношений. В понятие научно-технического фактора Стемпень включает научные исследования, технологическое развитие, инициативы в области высшего образования и исследований^[3]. Значимость научно-технического фактора в современной мировой политике подчеркивают и другие исследователи^{[4], [5], [6]}.

Существуют разные подходы к пониманию путей воздействия НТП на международные отношения. Интересно видение Чарльза Уэйса, который выделяет шесть моделей влияния сферы науки и технологий на международные отношения — она может выступать как: (1) значительная сила, мгновенно оказывающая массовое влияние на международную систему, (2) сила, меняющая правила игры, способная принести как преимущества, так и ущерб разным акторам международной системы, (3) источник проблем и задач, решение которых ложится на мировое сообщество, (4) движущая сила новых глобальных процессов или ключ к пониманию су-

[1] OECD (2018). Gross Domestic Spending on R&D / OECD. — URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 18.04.2020)

[2] Fritsch S. Technological Ambivalence and International Relations / S. Fritsch // E-International Relations. — 2016. — URL: <https://www.e-ir.info/2016/02/24/technological-ambivalence-and-international-relations/>

[3] New Technologies as a Factor of International Relations / Monika Szkarłat, Katarzyna Mojska // Cambridge Scholars Publishing. — 2016.

[4] Acuto M., Carr M., Kaltofen C. Conversations on Technology and IR. / Michele Acuto, Madeline Carr, Carolin Kaltofen // Technologies of International Relations. — Palgrave Pivot, Cham. — 2018. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-97418-7_1

[5] Rosenau J.N., Singh J.P. Information Technologies and Global Politics: The Changing Scope of Power and Governance. / J.N. Rosenau, J.P. Singh // Albany: State University of New York Press. — 2002.

[6] Васильева Н. А., Ван Чэньсин. Значение научно-технического фактора в современных международных отношениях / Н.А. Васильева, Ван Чэньсин // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2010. — №4.

ществующих глобальных проблем, (5) инструмент ведения внешней политики с позиции обладания определённой информацией, (6) сфера реализации совместных исследовательских проектов^[7]. Разносторонний характер воздействия НТП на международные отношения отмечают и другие исследователи^{[8], [9]}.

Сфера науки и технологий оказывает и опосредованное влияние на международные отношения при помощи увеличения совокупной (интегральной) мощи тех или иных акторов. Работы, посвящённые вычислению интегральной мощи акторов, при подсчёте часто учитывают развитость сферы науки и технологий (иногда сюда включают и образование)^{[10], [11]}. Её, однако, нельзя понимать как нечто обособленное, так как она воздействует и на другие элементы совокупной мощи: к примеру, на экономику или военный потенциал^[12].

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

Для анализа процесса технологических изменений (условно приравняем

его к НТП) в государствах часто используется концепция национальных инновационных систем (НИС). Бенгт-Оке Лундвалль, Кристофер Фримен, Ричард Нельсон и Чарльз Эдквист разработали данный концепт^[13], основываясь на работе Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» (1841), в которой он обращался к проблеме экономического отставания Германии от Великобритании и предлагал целый комплекс политик по ликвидации этого разрыва^[14].

Существует множество различных определений НИС^[15], которые в целом отражают два подхода: узкий (акцент делается на роли исследовательских институтов, радикальных инновациях) и широкий (больше внимание уделяется человеческому ресурсу, учитываются инкрементальные инновации)^[16].

В работе мы анализируем опыт эволюции НИС на Тайване. Существует мнение, что НИС в её узком понимании не подходит для анализа экономик поздней индустриализации, поскольку процесс технологических изменений в этих странах привязан не к созданию

[7] Weiss Ch. How Do Science and Technology Affect International Affairs? / Charles Weiss / Minerva. – 2015. – 53. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11024-015-9286-1>.

[8] Fritsch S. Technological Ambivalence and International Relations / S. Fritsch // E-International Relations. – 2016. – URL: <https://www.e-ir.info/2016/02/24/technological-ambivalence-and-international-relations/>

[9] Ivan V. Danilin. Emerging Technologies And Their Impact On International Relations And Global Security / Ivan Danilin // Governance in an Emerging World. – 2018.

[10] Treverton Gregory F., Seth G. Jones. Measuring National Power. / Gregory F. Treverton, G. Seth // Jones Santa Monica, CA: RAND Corporation. – 2005. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF215.html

[11] Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. Доклад–2008 к обсуждению. 2-е издание, дополн. – М.: Международная Академия исследований будущего, 2008. – 148 с.

[12] Fritsch S. Technological Ambivalence and International Relations / S. Fritsch // E-International Relations. – 2016. – URL: <https://www.e-ir.info/2016/02/24/technological-ambivalence-and-international-relations/>

[13] Lundvall Bengt-Åke. Innovation System Research and Policy Where it came from and where it might go. –2007.

[14] Freeman C. The 'National System of Innovation' in historical perspective. / C. Freeman // Cambridge Journal of Economics. – 1995. – 19.

[15] OECD. National Innovation Systems. –1997. – URL: <https://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf> (дата обращения: 29.01.2021)

[16] Chaminade C., Lundvall B-Å, Haneef Sh. Advanced Introduction to National Innovation Systems. / Chaminade Cristina, Lundvall Bengt-Åke, Haneef Shagufta // 2018.

инноваций (как это происходит в развитых странах, принявших индустриализацию сразу с зарождением второй промышленной революции), а их заимствование — на этом основании Эдуардо Виотти сформулировал новую, отличную от НИС концепцию (англ. National Learning System)^[17]. Действительно, представленные им положения было сложно опровергнуть на момент создания концепции (2002 г.), однако за почти два прошедших десятилетия в процессе технологических изменений некоторых новых индустриальных стран наблюдаются сдвиги как раз в направлении генерации радикальных инноваций. Эта тенденция даёт основания для использования именно концепции НИС для формирования картины технологических изменений на Тайване, но в её широкой трактовке.

Обратимся к определению НИС Люндвалля — он представляет широкий подход: это открытая, эволюционирующая и сложная система, которая состоит из внутренних и внешних отношений организаций, институтов и социо-экономических структур и определяет показатели и направление развития инноваций и компетенций, что проистекает из обучения, основанного на опыте и научном знании^[18]. Данное определение подразумевает то, что НТП является результатом взаимодействий

между производителями, распространителями и пользователями знаний, и эффективность этих взаимодействий напрямую влияет на развитость научно-технической сферы^[19].

Для разграничения отдельных этапов НИС в её широкой трактовке считаем необходимым ввести понятие технологических (активных инновационных) стратегий — термин используется в теории инновационного менеджмента с целью описания моделей поведения компаний. Технологические стратегии разделяются на стратегии лидерства и имитации: первая подразумевает под собой вывод на рынок совершенно нового продукта или услуги, а вторая — использование предприятием технологии уже существующей^[20]. В терминологии НИС это будет означать разработку в государстве радикальных инноваций в рамках стратегии технологического лидерства (СТЛ) и генерацию инкрементальных и заимствование существующих инноваций при реализации имитационной стратегии (ИС).

Определение типа технологических стратегий на разных этапах процесса технологических изменений позволит в дальнейшем выявить модели эволюции НИС (идея их существования не нова^[21], ^[22]), установить их свойства и, как следствие, более адекватно оценивать научно-технический потенциал

[17] Eduardo B. Viotti. National Learning Systems: A new approach on technological change in late industrializing economies and evidences from the cases of Brazil and South Korea. / Eduardo B. Viotti // Technological Forecasting and Social Change. – 2002. – 69(7). – P. 653–680. – URL: [https://doi.org/10.1016/S0040-1625\(01\)00167-6](https://doi.org/10.1016/S0040-1625(01)00167-6).

[18] Lundvall B-Å, Vang J., Joseph K.J., Chaminade C. Innovation system research and developing countries / Lundvall Bengt-Åke, Vang, Jan, Joseph, K.J., Chaminade, Cristina // Handbook of Innovation Systems in Developing Countries. Building Domestic Capabilities in A Global Setting. – 2009. – P.1–32.

[19] OECD. National Innovation Systems. – 1997. – URL: <https://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf>

[20] Хотяшева О.М. Инновационный менеджмент: Учебное пособие. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2007. — 384 с.

[21] Parimal P., Keith P. National Innovation Systems: Why They Are Important, And How They Might Be Measured And Compared / Parimal Patel, Keith Pavitt // Economics of Innovation and New Technology. – 1994. – 3(1). – P. 77–95.

[22] OECD. Managing National Innovation Systems. – OECD Publishing, Paris. – 1999.

государств и прогнозировать динамику его развития. Целью исследования ставится формирование общего представления о тайваньской модели НИС и её характеристиках на этапах реализации разных технологических стратегий. Цель обуславливает следующие задачи: обзор эволюции НИС Тайваня, определение её структуры, характеристик и типа реализуемой технологической стратегии на разных этапах, зарисовка общей картины тайваньской модели.

В соответствии с задачами исследования в качестве основного метода релевантным видится использование описательной модели Селинь Лю и Стивена Уайта. Они рассматривают положение первичных акторов, вторичных и институций относительно пяти фундаментальных активностей, определяющих процесс технологических изменений: генерация НИОКР (исследование), реализация (производство), использование, развитие горизонтальных связей между первичными акторами (сцепление), образование. Под первичными акторами понимаются те, кто принимает непосредственное участие в одной или нескольких фундаментальных активностях. Вторичные акторы воздействуют на первичных акторов и отношения между ними (как прямо, так и косвенно, посредством формирования институций). Институции представляют собой наборы правил, порядков, практик и т.д.; они нематериальны^[23].

ТАЙВАНЬСКАЯ НИС НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ

Потеря контроля над материковыми территориями вынудила гоминьдановское правительство в 1949 г. перебраться на Тайвань, не обладавший промышленным потенциалом и значительными природными ресурсами. Закономерно, отправной точки к дальнейшему экономическому развитию правительство избрало сельское хозяйство. В период 1952 – 1981 гг. (от принятия первого плана экономического развития до выполнения посткризисного плана), который следует рассматривать как первый этап экономического развития Тайваня, правительство за 10 лет сумело за счёт сельского хозяйства вывести экономику на новый уровень. Он, в свою очередь, послужил базой для развития экспорто-ориентированной лёгкой промышленности в 1960 – 1970-х гг.^[24]

В 1960-х гг. начинают формироваться вторичные акторы тайваньской НИС: наиболее значимым из них следует считать Национальный совет по научному развитию (1959 г.), действовавший как часть Исполнительного Юаня. В 1967 г. Совет был переименован Национальный совет по науке, а в 1978 г. в его составе была создана Консультативная группа по науке и технологиям (КГНТ; Science and Technology Advisory Group), которая фактически определяла линию технологического развития страны^[25].

В те же годы начинается подготовка инфраструктурной базы для ускорения НТП: в соответствии со Статутом

[23] Liu Xielin, White St. Comparing innovation systems: a framework and application to China's transitional context / Liu Xielin, Steven White // Research Policy. – 2001. – 30(7) – P. 1091-1114.

[24] Пулатова Г.Э. Основные этапы модернизации экономики Тайваня: проблемы и достижения / Г.Э. Пулатова // Экономика и финансы (Узбекистан). – 2012. – №3.

[25] Douglas B. Fuller. Globalization for Nation Building: Industrial Policy for High-technology in Taiwan. / Douglas B. Fuller // 2002.

о привлечении инвестиций (1960 г.) и Статутом о создании и управлении свободным портом (1965 г.), закладываются первые индустриальные парки Люду (Liutu), Баоань (Paoan), свободный порт Гаосюн (Kaohsiung); в 1970-х гг. их число продолжает расти^[26]. Чуть позже, в 1980 г. основывается крупнейший на сегодня технопарк Синьчжу. В 1973 г. учреждается Институт промышленных технологических исследований (ИПТИ; Industrial Technology Research Institute), годом позже под его началом создается Организация исследований и обслуживания электроники (ОИОЭ; Electronics Research and Service Organization).

Рассуждая о первичных акторах, следует сделать отступление и уточнить, что драйвером НТП в первую очередь выступают негосударственные предприятия, которые с помощью внедрения новых технологий в производство или же занимаясь производством и сбытом этих технологий наращивают прибыль^[27]. Даже при условии поддержки со стороны государства (финансовой, информационной), компаниям с малым и средним капиталом затруднительно создавать новые НИОКР, так как они требуют больших вложений. Другой проблемой для малых и средних предприятий выступает высокий порог входа на мировой рынок — такие предприятия не обладают мощностями, достаточными для быстрого и массового производства новой технологии (в особенности это касается наукоёмких производств). С этими сложностями и столкнулся Тайвань: в 1960 – 70-е гг. на рынке Тайваня преоб-

ладали предприятия малого и среднего бизнеса, неспособные конкурировать с крупными азиатскими соседями^[28]. Власти Тайваня ясно осознавали положение местных компаний в регионе, поэтому уже в 1980 г. правительство Тайваня провело приватизацию одного из старых проектов и создало United Microelectronics Corporation (UMC), изначальный капитал которой чуть менее чем наполовину стал национальным вложением.

Создание инфраструктурной базы (Синьчжу, Люду, Баоань), учреждение национальных институтов (ИПТИ, ОИОЭ), толчок к развитию неправительственных компаний, работающих в сфере наукоемких производств (UMC), окончательный переезд на остров нескольких крупных университетов (Национальные университеты Цинхуа и Цзяотун) сделали возможным обсуждение дальнейших направлений развития НИС. В широком смысле перед правительством стояло два пути: пытаться продвигать исследования в стране и, таким образом, обрести технологическую независимость, или же наладить производство заимствованных технологий и за этот счёт вывести вперёд экономику. В 1983 г. развернулась дискуссия между КГНТ с одной стороны и ОИОЭ и органами, ответственными за экономическое планирование, с другой: КГНТ настаивала на попытке технологического прорыва — разработке технологии сверхбольшой масштабной интеграции (СБМИ). Вторая сторона утверждала, что слишком ранняя попытка создания такой сложной технологии обернется провалом, но, когда президент и премьер-министр

[26] Origins of Industrial Park Development. // Industrial Development Bureau, Ministry of Economic Affairs. – URL: <https://www.moeaidb.gov.tw/ctrl?lang=18PRO=english.rwdIndPark2> (дата обращения: 25.04.2020).

[27] R. Nelson. Governments and Technical Progress. / R. Nelson // New York: Pergamon. – 1982.

[28] Tsai Kuen-Hung, Wang Jiann-Chyuan. The Innovation Policy and Performance of Innovation in Taiwan's Technology-Intensive Industries / Tsai Kuen-Hung, Wang Jiann-Chyuan // Problems and Perspectives in Management. — 2004.

поддержали идею КГНТ, ОИОЭ оставалось только взяться за разработку СБМИ. К работе были привлечены и несколько зарубежных компаний. Когда СБМИ была закончена в 1985 г., оказалось, что на Тайване ещё не существует инфраструктуры, где возможно производство чипов СБМИ — технологию пришлось продать. Что интересно, на тот момент КГНТ практически полностью состояла из иностранцев. Три года почти напрасных трудов привели к выбору второго пути.

Уже в 1987 г. Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC), созданная в том же году при поддержке ИПТИ, начала сотрудничество с Phillips, в ходе которого последняя занималась разработкой устройств, а TSMC — их производством^[29]. Такая модель работы по иностранным технологиям (англ. *foundry model*) быстро прижилась, в результате чего к началу 1990-х гг. на острове остались только наукоёмкие производства^[30]. Распространение этой модели свидетельствует о попадании Тайваня в технологическую зависимость от зарубежных компаний.

Выше обозначенный факт, однако, не свидетельствует о том, что правительство Тайваня оставило попытки из этой зависимости выйти. Здесь перед Тайванем выросли две проблемы: во-первых, нужно было найти ещё не занятую гигантами электронной промышленности нишу; во-вторых, необходимо было обеспечить приток профессиональных кадров. Ответом на первый вопрос стало

производство карманных персональных компьютеров (КПК) — его процесс не был затратным, поэтому сразу 11 тайваньских компаний решили попробовать себя в этом направлении. Хотя 5 из них, следуя уже проверенной модели, приобрели готовые технологии, остальным их предоставил ИПТИ^[31]. Для разрешения второй задачи в 1990-х гг. на Тайване была проведена либерализация системы высшего образования, что позволило многим бывшим колледжам получить университетский статус — высшее образование стало доступнее. В это же десятилетие наблюдается быстрый рост числа индустриальных колледжей^[32].

Таким образом, на первом этапе эволюции тайваньской НИС сложилась следующая картина: вторичные акторы хоть и воздействуют на первичных, но не очень активно; первичные акторы концентрируются всего на нескольких активностях (определенное исключение составляют технопарки, но их участие сразу в трех активностях объясняется их функциональной спецификой: они задействованы и в генерации НИОКР, и в производстве, и в образовании). Важно отметить и то, что никто из первичных акторов в полной мере не занят в развитии горизонтальных связей (сцеплении), в то время как значимость таких связей подтвердили на примере КНР авторы используемого здесь описательного метода. Они же установили, что развитость «сцеплений» между первичными акторами обратно пропорциональна влиянию, которое имеют на них акторы

[29] Douglas B. Fuller. *Globalization for Nation Building*.

[30] Литвинова Ю. Г. Индустрия высоких технологий на Тайване / Ю. Г. Литвинова // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция. — М., 2002. — С. 253–259.

[31] Литвинова Ю. Г. Образование на Тайване / Ю. Г. Литвинова // Общество и государство в Китае: XXXIV научная конференция. — М., 2004. — С. 294–300.

[32] Douglas B. Fuller. *Globalization for Nation Building*.

вторичные. Авторы наблюдали данное явление на первом этапе эволюции НИС КНР, когда она реализовывалась в условиях жёсткого центрального планирования^[33]. Нельзя не отметить, что в начале развития тайваньской НИС ситуация складывалась похожая: научно-технические инициативы исходили от правительства, к их разработке привлекались национальные институты, и только этап производства отдавался в частные руки. Эту схожесть следует

отнести к использованию ИС обеими странами на данном этапе. Мы уже определили, что ИС в контексте НИС будет означать заимствование инноваций — и принятая на Тайване модель производства полностью соответствует данному определению.

Следовательно, среди характерных черт ИС как этапа эволюции НИС тайваньской модели можно выделить следующие: преобладание вертикальных связей над горизонтальными, слабые

[33] Liu Xielin, White St. Comparing innovation systems: a framework and application to China's transitional context / Liu Xielin, Steven White // Research Policy. – 2001. – 30(7). – P. 1091-1114.

Таблица 1. Первый этап эволюции тайваньской НИС

Вторичные акторы	Правительство (Национальный совет по науке, Консультативная группа по науке и технологиям (КГНТ) и др.)				
Институции	Образовательная реформа				Статут о привлечении инвестиций
Прямое влияние		Научно-технические инициативы (СБМИ, КПК)	Экономическая помощь		
Первичные акторы	Образовательные учреждения (университеты, промышленные колледжи)	Национальные исследовательские институты (ИПТИ, ОИОЭ)	Крупные частные предприятия (UMC, TSMC, Quanta computer)		Технопарки (научный парк Синьчжу, промышленные парки).
Связи					
Активности	Образование	Исследование	Производство	Использование	Сцепление

связи между первичными акторами, их сегрегация по фундаментальным активностям, ведущая роль вторичных акторов при выборе научно-технических инициатив.

ТАЙВАНЬСКАЯ НИС НА ВТОРОМ ЭТАПЕ

Перед тем как перейти к обзору следующего этапа эволюции НИС Тайваня, стоит отметить, что здесь мы сосредоточим внимание не на конкретных примерах взаимодействия акторов между собой, а на анализе общенациональных политик и статистических данных (их использование в отношении прошлого этапа было невозможным ввиду их нехватки). Такое смещение фокуса связано с тем, что, в сравнении с прошлым этапом, с конца 1990-х и начала 2000-х гг. сфера науки и технологий на Тайване развивается крайне динамично, и концентрация на отдельных её элементах только усложнит понимание НИС (а целью этой работы является формирование именно общего представления), поскольку отдельные примеры могут быть непонятными.

В 1999 г. на Тайване был принят «Фундаментальный закон о науке и технологиях», в соответствии с которым инновационная политика строилась на четырёхлетних Национальных планах развития науки и технологий^[34], — ранее Национальный совет по науке утверждал долгосрочные пла-

ны на 10-12 лет. Первый Национальный план был разработан на 2001 – 2004 гг. и содержал в себе восемь стратегий, из которых две были направлены на развитие человеческих ресурсов; их значимость была ещё раз подчеркнута в Отчёте по развитию науки и технологий. В Отчёте также говорится о в целом успешном исполнении Национального плана^[35]. Об этом свидетельствует и статистика ОЭСР: хотя количество патентов на ИКТ резко возросло ещё в 1996 г. (почти в четыре раза по сравнению с предыдущим годом), что объясняется большим опытом в отрасли, быстрый рост патентов в областях нанотехнологий (в 2,5 раза по сравнению с предыдущим годом) и биотехнологий (более чем в два раза) начался в 2002 г. Показателен и прирост количества исследователей — тогда как в предыдущие годы он составлял 2 000 – 5 000, в 2002 г. прирост составил 20 000 человек^[36]. Затраты на НИОКР в проценте от ВВП годом ранее превысили 2%^[37].

Что касается затрат на НИОКР, интересно проследить динамику перераспределения расходов между акторами НИС: в 2004 г. на правительство приходилось 33,6% всех расходов на НИОКР, а в 2018 г. эта цифра уменьшилась до 18,8%; доля бизнеса в финансировании выросла с 62,8% до 80,3% за те же 14 лет. Стоит рассмотреть и соотношение исследователей: все 14 лет высоким оставался процент исследователей от высшего образования — в 2004 г. он составлял 25,4%

[34] Fundamental Science and Technology Act. – URL: <https://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=H0160028> (дата обращения: 27.05.2020).

[35] White Paper on Science and Technology — Visions and Strategies for the development of Science and Technology (2003-2006). – National Science Council, Republic of China. – URL: <https://www.most.gov.tw/most/attachments/21381095-05fa-413e-b9d9-8eaf7beef1ec> (дата обращения: 27.05.2020).

[36] OECD. Main Science and Technology Indicators – 2020. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PATS_IPC# (дата обращения: 27.05.2020).

[37] OECD. Gross Domestic Spending on R&D. – 2018.

и снизился до 18,7%; с 16,4% до 10,2% уменьшилось количество правительственных исследователей; вместе с тем доля исследователей от бизнес-сектора увеличилась с 55,2% до 71%. Эти данные свидетельствуют о возрастании роли неправительственных предприятий в генерации НИОКР — характерная для этапа реализации ИС цепочка «правительство (заказчик) — национальный институт (разработчик) — неправительственная компания (производитель)» теряет свою актуальность^[38], ^[39]. Снижение роли национальных институтов в генерации НИОКР высвобождает часть их ресурса, который они перенаправляют на развитие человеческих ресурсов: ИПТИ, в частности, теперь делает сильный акцент на образовательных программах.

Участие первичных акторов в новых для них фундаментальных активностях не ограничивается генерацией НИОКР. Ранее уже было упомянуто о важности сцепления между акторами — можно с уверенностью утверждать, что уделяемое ему в рамках НИС внимание значительно возросло: теперь в нём участвуют университеты и технопарки. Тогда как перед учебными заведениями ряд задач по усилению связей с промышленностью остаётся нерешённым^[40], научные парки уже демонстрируют эффективность организованного в их рамках сотрудничества: предприятия, находящиеся на территории Научного

парка Синьчжу показывают более высокие показатели генерации НИОКР, чем остальные — во многом благодаря связям, появлению которых способствует технопарк^[41].

Скоро станет возможным обсудить итоги выполнения Национального плана 2017 – 2020 гг., который выделял четыре цели — здесь стоит подчеркнуть две из них: продвижение талантов в различных областях и улучшение инновационной экосистемы для научных исследований^[42]. Национальный план был составлен в соответствии с концепцией Productivity 4.0 (2015 г.), которая, как утверждают официальные лица, является планом достижения четвёртой промышленной революции. Концепция состоит из шести основных стратегий, среди которых интересно наблюдать «достижение автономии по ключевым технологиям» и «развитие практических и технических талантов»^[43].

Реализация Productivity 4.0 планируется по трём направлениям: создание прорывных технологий, воспитание талантов и распространение модели “A-team”. Тогда как первые два пункта лишний раз подтверждают стратегии, составляющие саму концепцию, на третьем направлении стоит остановиться подробнее. Под моделью “A-team” подразумевается близкое сотрудничество компаний-отраслевых лидеров друг с другом и с производите-

[38] OECD. Main Science and Technology Indicators // OECD Publishing, Paris. – 2019. – 2.

[39] OECD. Main Science and Technology Indicators // OECD Publishing, Paris. – 2009. – 2.

[40] Wang W-B, Hung Y-Ch., Wang Ch-Ch. University-Industry Research Collaboration in Taiwan. / Wang Wen-Bo, Hung Ying-Cheng, Wang Chu-Ching // Journal of Information and Optimization Sciences. – 2012. – 33. – P. 665-683.

[41] Ch-H. Yang, K. Motohashi, J.-R. Chen. Are new technology-based firms located on science parks really more innovative? Evidence from Taiwan. / Chih-Hai Yang, Kazuyuki Motohashi, Jong-Rong Chen // Research Policy. – 2009. – 38(1). – P. 77-85.

[42] National Science and Technology Development Plan (2017-2020). // National Science Council, Republic of China. – 2017.

[43] Productivity 4.0 to pilot industrial transformation, upgrade: premier. Executive Yuan // July, 23. 2015. – URL: <https://english.ey.gov.tw/Page/61BF20C3E89B856/ef482c50-5a64-48d4-aa99-51d17843b1f1> (дата обращения: 27.05.2020).

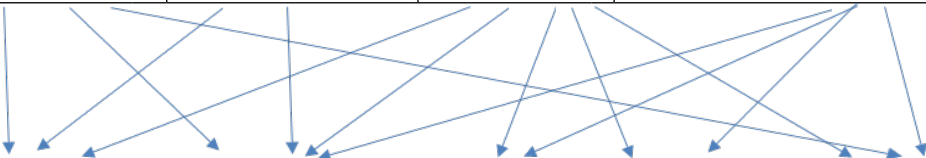
лями комплектующих — по опыту одноимённого объединения крупнейших тайваньских производителей велосипедов. Не исключено, что в модель “A-team” предполагается включить и другие нововведения, успешно реализованные объединением: производство с нулевым запасом, постоянное обучение кадров, совместная маркетинговая стратегия, раздел рынков сбыта между компаниями^[44]. Таким образом, Productivity 4.0 наглядно демонстрирует перспективы

развития НИС Тайваня на нынешнем этапе: одной из главных целей является обретение технологической независимости, достижение которой планируется посредством развития человеческих ресурсов, повышения трат на НИОКР и выстраивания взаимодействия между отраслевыми лидерами.

На сегодняшнем, втором этапе, НИС Тайваня значительно отличается от предыдущего. Во-первых, институты стали носить более общий характер: теперь

[44] Brookfield J., Liu Ren-Jye, MacDuffie J. Taiwan's bicycle industry A-Team battles Chinese competition with innovation and co-operation / J. Brookfield, Ren-Jye Liu, J. MacDuffie. // Strategy & Leadership. — 2008.

Таблица 2. Второй этап эволюции тайваньской НИС

Вторичные акторы	Правительство (Национальный научный совет, КГНТ и др.)				
Институты	Краткосрочные национальные планы, концепция Productivity 4.0 и модель “A-team”, фокус на развитие человеческих ресурсов				
Прямое влияние	Затраты на НИОКР				
Первичные акторы	Образовательные учреждения	Национальные исследовательские институты	Крупные частные предприятия	Технопарки	
Связи					
Активности	Образование	Исследование	Реализация	Использование	Сцепление

они задают общий вектор развития научно-технической сферы, а не пытаются влиять на разные элементы единой системы по отдельности. Во-вторых, увеличилось количество связей: первичные акторы участвуют сразу во многих активностях. Это, безусловно, связано с ростом внимания к сцеплению, которым теперь занимаются технопарки, университеты и неправительственные предприятия. На данном этапе ещё сложно судить о полноценном переходе от ИС к СТЛ, хотя тенденция к увеличению горизонтальных связей подтверждает возможный скорый переход к новому этапу эволюции НИС Тайваня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день на пути эволюции НИС Тайваня можно выделить два этапа. Первый (до 1999 г.) характеризуется оформлением первичных и вторичных акторов НИС и выстраиванию между ними вертикальных связей. Первичные акторы участвуют в небольшом количестве фундаментальных активностей, горизонтальные связи неразвиты. Данный

период следует понимать как этап использования ИС, которая была необходима для создания инфраструктурной базы и подъёма экономики. Второй этап НИС Тайваня (с 1999 г.) характерен постепенным отходом от ИС — для этого было необходимо переосмыслить роль институций, которые теперь стали носить общий, а не частный характер, увеличить число участников в фундаментальных активностях, отводя при этом особую роль горизонтальным связям. Нынешний этап тайваньской НИС следует рассматривать как переходный на пути к обретению технологической независимости и принятию полновесной СТЛ. Вероятно, следующий этап тайваньской НИС будет охарактеризован ещё более разветвленными связями, сохранится тенденция к преобладанию среди первичных акторов неправительственных предприятий и институтов, вырастет роль образовательных активностей, вторичные акторы продолжают задавать общий вектор научно-технического развития, причем, скорее посредством институций, нежели прямого влияния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н. А., Ван Чэньсин. Значение научно-технического фактора в современных международных отношениях / Н.А. Васильева, Ван Чэньсин // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2010. – №4.
2. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. Доклад–2008 к обсуждению. 2-е издание, дополн. – М.: Международная Академия исследований будущего, 2008. – 148 с.
3. Литвинова Ю. Г. Индустрия высоких технологий на Тайване / Ю.Г. Литвинова // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция. – М., 2002. – С. 253–259.
4. Литвинова Ю. Г. Образование на Тайване / Ю.Г. Литвинова // Общество и государство в Китае: XXXIV научная конференция. – М., 2004. – С. 294–300.

5. Пулатова Г.Э. Основные этапы модернизации экономики Тайваня: проблемы и достижения / Г.Э. Пулатова // Экономика и финансы (Узбекистан). – 2012. – №3.
6. Хотяшева О.М. Инновационный менеджмент: Учебное пособие. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2007. — 384 с.
7. Acuto M., Carr M., Kaltofen C. Conversations on Technology and IR. / Michele Acuto, Madeline Carr, Carolin Kaltofen // Technologies of International Relations. – Palgrave Pivot, Cham. – 2018. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-97418-7_1
8. Brookfield J., Liu Ren-Jye, MacDuffie J. Taiwan's bicycle industry A-Team battles Chinese competition with innovation and cooperation / J. Brookfield, Ren-Jye Liu, J. MacDuffie. // Strategy & Leadership. – 2008.
9. Chaminade C., Lundvall B-Å, Haneef Sh. Advanced Introduction to National Innovation Systems. / Chaminade Cristina, Lundvall Bengt-Åke, Haneef Shagufta // 2018.
10. Ch-H. Yang, K. Motohashi, J.-R. Chen. Are new technology-based firms located on science parks really more innovative? Evidence from Taiwan. / Chih-Hai Yang, Kazuyuki Motohashi, Jong-Rong Chen // Research Policy. – 2009. – 38(1). – P. 77-85.
11. Douglas B. Fuller. Globalization for Nation Building: Industrial Policy for High-technology in Taiwan. / Douglas B. Fuller // 2002.
12. Eduardo B. Viotti. National Learning Systems: A new approach on technological change in late industrializing economies and evidences from the cases of Brazil and South Korea. / Eduardo B. Viotti // Technological Forecasting and Social Change. – 2002. – 69(7). – P. 653-680. – URL: [https://doi.org/10.1016/S0040-1625\(01\)00167-6](https://doi.org/10.1016/S0040-1625(01)00167-6).
13. Freeman C. The 'National System of Innovation' in historical perspective. / C. Freeman // Cambridge Journal of Economics. – 1995. – 19.
14. Fritsch S. Technological Ambivalence and International Relations / S. Fritsch // E-International Relations. – 2016. – URL: <https://www.e-ir.info/2016/02/24/technological-ambivalence-and-international-relations/>
15. Fundamental Science and Technology Act. – URL: <https://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=H0160028> (дата обращения: 27.05.2020).
16. Ivan V. Danilin. Emerging Technologies And Their Impact On International Relations And Global Security / Ivan Danilin // Governance in an Emerging World. – 2018.
17. Liu Xielin, White St. Comparing innovation systems: a framework and application to China's transitional context / Liu Xielin, Steven White // Research Policy. – 2001. – 30(7) / – P. 1091-1114.
18. Lundvall Bengt-Åke. Innovation System Research and Policy Where it came from and where it might go. – 2007.
19. Lundvall B-Å, Vang J., Joseph K.J., Chaminade C. Innovation system research and developing countries / Lundvall Bengt-Åke, Vang, Jan, Joseph, K J., Chaminade, Cristina // Handbook of Innovation Systems in Developing Countries. Building Domestic Capabilities in A Global Setting. – 2009. – P.1-32.
20. National Science and Technology Development Plan (2017-2020). // National Science Council, Republic of China. – 2017.
21. New Technologies as a Factor of International Relations / Monika Szkarłat, Katarzyna Mojska // Cambridge Scholars Publishing. – 2016.

22. OECD (2018). Gross Domestic Spending on R&D / OECD. – URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 18.04.2020)
23. OECD. Main Science and Technology Indicators – 2020. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PATS_IPC# (дата обращения: 27.05.2020).
24. OECD. Main Science and Technology Indicators // OECD Publishing, Paris. – 2019. – 2.
25. OECD. Main Science and Technology Indicators // OECD Publishing, Paris. – 2009. – 2.
26. OECD. Managing National Innovation Systems. – OECD Publishing, Paris. – 1999.
27. OECD. National Innovation Systems. – 1997. – URL: <https://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf> (дата обращения: 29.01.2021)
28. Origins of Industrial Park Development. // Industrial Development Bureau, Ministry of Economic Affairs. – URL: <https://www.moeaidb.gov.tw/ctrl?lang=1&PRO=english.rwdIndPark2> (дата обращения: 25.04.2020).
29. Parimal P., Keith P. National Innovation Systems: Why They Are Important, And How They Might Be Measured And Compared / Parimal Patel, Keith Pavitt // Economics of Innovation and New Technology. – 1994. – 3(1). – P. 77-95.
30. Productivity 4.0 to pilot industrial transformation, upgrade: premier. Executive Yuan // July, 23. 2015. – URL: <https://english.ey.gov.tw/Page/61BF20C3E89B856/ef482c50-5a64-48d4-aa99-51d17843b1f1> (дата обращения: 27.05.2020).
31. R. Nelson. Governments and Technical Progress. / R. Nelson // New York: Pergamon. – 1982.
32. Rosenau J.N., Singh J.P. Information Technologies and Global Politics: The Changing Scope of Power and Governance. / J.N. Rosenau, J.P. Singh // Albany: State University of New York Press. – 2002.
33. Treverton Gregory F., Seth G. Jones. Measuring National Power. / Gregory F. Treverton, G. Seth // Jones Santa Monica, CA: RAND Corporation. – 2005. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF215.html
34. Tsai Kuen-Hung, Wang Jiann-Chyuan. The Innovation Policy and Performance of Innovation in Taiwan's Technology-Intensive Industries / Tsai Kuen-Hung, Wang Jiann-Chyuan // Problems and Perspectives in Management. – 2004.
35. Wang W-B. Hung Y-Ch., Wang Ch-Ch. University-Industry Research Collaboration in Taiwan. / Wang Wen-Bo, Hung Ying-Cheng, Wang Chu-Ching // Journal of Information and Optimization Sciences. – 2012. – 33. – P. 665-683.
36. Weiss Ch. How Do Science and Technology Affect International Affairs? / Charles Weiss / Minerva. – 2015. – 53. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11024-015-9286-1>.
37. White Paper on Science and Technology – Visions and Strategies for the development of Science and Technology (2003-2006). – National Science Council, Republic of China. – URL: <https://www.most.gov.tw/most/attachments/21381095-05fa-413e-b9d9-8eaf7beef1ec> (дата обращения: 27.05.2020).

REFERENCES

1. Vasil'eva N. A., Van CHen'sin. Znachenie nauchno-tekhnicheskogo faktora

v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah [Value of scientific and technical factor in modern international relations] / N.A. Vasil'eva, Van CHen'sin // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. – 2010. – №4.

2. Global'nyĭ reĭting integral'noĭ moshchi 100 vedushchih stran mira. Doklad–2008 k obsuzhdeniyu. 2-e izdanie, dopoln. [Global rating of the 100 of the leading world countries. 2008-Report for discussion]. – M.: Mezhdunarodnaya Akademiya issledovaniĭ budushchego, 2008. – 148 p.

3. Litvinova YU. G. Industriya vysokih tekhnologij na Tajvane [High-Tech Industry in Taiwan] / YU.G. Litvinova // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXII nauchnaya konferenciya. – M., 2002. – P. 253–259.

4. Litvinova YU. G. Obrazovanie na Tajvane [Education in Taiwan] / YU.G. Litvinova // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXIV nauchnaya konferenciya. – M., 2004. – P. 294–300.

5. Pulatova G.E. Osnovnye etapy modernizacii ekonomiki Tajvanya: problemy i dostizheniya [Main stages of Taiwan economy modernization: problems and achievements] / G.E. Pulatova // Ekonomika i finansy (Uzbekistan). – 2012. – №3.

6. Hotyasheva O.M. Innovacionnyĭ menedzhment: Uchebnoe posobie. 2-e izd. [Innovative management] – SPb.: Piter, 2007. – 384 p.

7. Acuto M., Carr M., Kaltofen C. Conversations on Technology and IR. / Michele Acuto, Madeline Carr, Carolin Kaltofen // Technologies of International Relations. – Palgrave Pivot, Cham. – 2018. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-97418-7_1

8. Brookfield J., Liu Ren-Jye, MacDuffie J. Taiwan's bicycle industry A-Team battles Chinese competition with innovation and cooperation / J. Brookfield, Ren-Jye Liu, J. MacDuffie. // Strategy & Leadership. – 2008.

9. Chaminade C., Lundvall B-Å, Haneef Sh. Advanced Introduction to National Innovation Systems. / Chaminade Cristina, Lundvall Bengt-Åke, Haneef Shagufta // 2018.

10. Ch-H. Yang, K. Motohashi, J.-R. Chen. Are new technology-based firms located on science parks really more innovative? Evidence from Taiwan. / Chih-Hai Yang, Kazuyuki Motohashi, Jong-Rong Chen // Research Policy. – 2009. – 38(1). – P. 77–85.

11. Douglas B. Fuller. Globalization for Nation Building: Industrial Policy for High-technology in Taiwan. / Douglas B. Fuller // 2002.

12. Eduardo B. Viotti. National Learning Systems: A new approach on technological change in late industrializing economies and evidences from the cases of Brazil and South Korea. / Eduardo B. Viotti // Technological Forecasting and Social Change. – 2002. – 69(7). – P. 653–680. – URL: [https://doi.org/10.1016/S0040-1625\(01\)00167-6](https://doi.org/10.1016/S0040-1625(01)00167-6).

13. Freeman C. The 'National System of Innovation' in historical perspective. / C. Freeman // Cambridge Journal of Economics. – 1995. – 19.

14. Fritsch S. Technological Ambivalence and International Relations / S. Fritsch // E-International Relations. – 2016. – URL: <https://www.e-ir.info/2016/02/24/technological-ambivalence-and-international-relations/>

15. Fundamental Science and Technology Act. – URL: <https://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=H0160028> (date of access: 27.05.2020).

16. Ivan V. Danilin. Emerging Technologies And Their Impact On International Relations And Global Security / Ivan Danilin // Governance in an Emerging World. – 2018.
17. Liu Xielin, White St. Comparing innovation systems: a framework and application to China's transitional context / Liu Xielin, Steven White // Research Policy. – 2001. – 30(7). – P. 1091-1114.
18. Lundvall Bengt-Åke. Innovation System Research and Policy Where it came from and where it might go. – 2007.
19. Lundvall B-Å, Vang J., Joseph K.J., Chaminade C. Innovation system research and developing countries / Lundvall Bengt-Åke, Vang, Jan, Joseph, K J., Chaminade, Cristina // Handbook of Innovation Systems in Developing Countries. Building Domestic Capabilities in A Global Setting. – 2009. – P.1-32.
20. National Science and Technology Development Plan (2017-2020). // National Science Council, Republic of China. – 2017.
21. New Technologies as a Factor of International Relations / Monika Szkarłat, Katarzyna Mojska // Cambridge Scholars Publishing. – 2016.
22. OECD (2018). Gross Domestic Spending on R&D / OECD. – URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (date of access: 18.04.2020)
23. OECD. Main Science and Technology Indicators – 2020. – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PATS_IPC# (date of access: 27.05.2020).
24. OECD. Main Science and Technology Indicators // OECD Publishing, Paris. – 2019. – 2.
25. OECD. Main Science and Technology Indicators // OECD Publishing, Paris. – 2009. – 2.
26. OECD. Managing National Innovation Systems. – OECD Publishing, Paris. – 1999.
27. OECD. National Innovation Systems. – 1997. – URL: <https://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf> (date of access: 29.01.2021)
28. Origins of Industrial Park Development. // Industrial Development Bureau, Ministry of Economic Affairs. – URL: <https://www.moeaidb.gov.tw/ctrl?lang=1&PRO=english.rwdIndPark2> (date of access: 25.04.2020).
29. Parimal P., Keith P. National Innovation Systems: Why They Are Important, And How They Might Be Measured And Compared / Parimal Patel, Keith Pavitt // Economics of Innovation and New Technology. – 1994. – 3(1). – P. 77-95.
30. Productivity 4.0 to pilot industrial transformation, upgrade: premier. Executive Yuan // July, 23. 2015. – URL: <https://english.ey.gov.tw/Page/61BF20C3E89B856/ef482c50-5a64-48d4-aa99-51d17843b1f1> (date of access: 27.05.2020).
31. R. Nelson. Governments and Technical Progress. / R. Nelson // New York: Pergamon. – 1982.
32. Rosenau J.N., Singh J.P. Information Technologies and Global Politics: The Changing Scope of Power and Governance. / J.N. Rosenau, J.P. Singh // Albany: State University of New York Press. – 2002.
33. Treverton Gregory F., Seth G. Jones. Measuring National Power. / Gregory F. Treverton, G. Seth // Jones Santa Monica, CA: RAND Corporation. – 2005. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF215.html

34. Tsai Kuen-Hung, Wang Jiann-Chyuan. The Innovation Policy and Performance of Innovation in Taiwan's Technology-Intensive Industries / Tsai Kuen-Hung, Wang Jiann-Chyuan // Problems and Perspectives in Management. – 2004.

35. Wang W-B. Hung Y-Ch., Wang Ch-Ch. University-Industry Research Collaboration in Taiwan. / Wang Wen-Bo, Hung Ying-Cheng, Wang Chu-Ching // Journal of Information and Optimization Sciences. – 2012. – 33. – P. 665-683.

36. Weiss Ch. How Do Science and Technology Affect International Affairs? / Charles Weiss / Minerva. – 2015. – 53. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11024-015-9286-1>.

37. White Paper on Science and Technology – Visions and Strategies for the development of Science and Technology (2003-2006). – National Science Council, Republic of China. – URL: <https://www.most.gov.tw/most/attachments/21381095-05fa-413e-b9d9-8eaf7beef1ec> (date of access: 27.05.2020).

Цели, проблемы и перспективы участия Афганистана в СААРК

Нинэль Гулам

MGIMO

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются цели, проблемы и перспективы членства Афганистана в Ассоциации регионального сотрудничества государств Южной Азии (СААРК) — тема, до сегодняшнего дня не получившая достаточного освещения в отечественных исследованиях. Цель работы — выявить причины, по которым участие Афганистана в СААРК, изначально предполагавшее наличие определённых выгод как для самой страны, так и для всего объединения, до сих пор не принесло пользы ни самому Афганистану, ни СААРК.

Исследование данного вопроса актуально в связи с намеченным на начало сентября 2001 года окончательным выводом иностранных контингентов с территории Афганистана и снижением влияния США в этой стране, что может дать ей больше возможностей для внешнеполитического манёвра, а также позволить влиятельным региональным игрокам заполнить образовавшийся «вакуум силы». Поскольку СААРК является единственным региональным интеграционным объединением, куда

Афганистан входит в качестве полноправного члена, логично было бы предположить, что с ослаблением влияния США в стране и регионе Южная Азия станет одним из наиболее вероятных направлений сотрудничества для страны.

Принятие в 2007 году такой «проблемной» страны, как Афганистан, в состав СААРК могло бы принести сторонам взаимные выгоды, если бы, с одной стороны, деятельность объединения не была омрачена непрекращающимися внутренними конфликтами и разногласиями, и обладала действенными механизмами их разрешения, а с другой — если бы Афганистан сам не был источником серьёзнейших проблем и вызовов, присущих «несостоявшемуся государству». Автор приходит к выводу, что, поскольку СААРК остаётся своеобразным «дискуссионным клубом», членство Афганистана в данном объединении не сможет изменить его положение в лучшую сторону, равно как и предполагаемые вероятные выгоды от участия страны в Ассоциации не смогут быть использованы в полной мере другими членами данного объединения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

СААРК, Афганистан, региональная интеграция, интеграционное объединение, нестабильность.

The goals, problems and prospects of Afghanistan's participation in SAARC

Ninel Gulam

MGIMO

ABSTRACT

The article deals with the goals, problems and prospects of Afghanistan's participation in the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC). The purpose of the study is to find out the reasons why the participation of Afghanistan in the SAARC was not beneficial to either party. The study of this issue is relevant with regard to the withdrawal of foreign troops from Afghanistan scheduled for early September 2021, which may give the country more freedom in foreign policy, while the regional powerful actors may receive the opportunity to increase their influence in Afghanistan. Since SAARC is the only

regional integration organization that includes Afghanistan, it is likely that with the diminishing influence of the US, South Asia will become one of the most attractive areas of cooperation for Afghanistan.

The admission of Afghanistan to this organization in 2007 could have been a mutually beneficial move, if it were not for SAARC's incessant internal disputes and Afghanistan's domestic challenges and problems. The author concludes that due to the SAARC's weakness and Afghanistan's inherent problems, the participation of this country in the organization will not be beneficial to either party.

KEYWORDS

SAARC, Afghanistan, regional integration, integration grouping, instability.

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что в региональных интеграционных процессах весьма заметную роль играют факторы политической сплочённости объединившихся государств, а также институциональной зрелости объединения — ведь, как известно, интеграция — это добровольный процесс[1], и потому залогом успешной экономической интеграции между странами является, безусловно, наличие политической воли у властей этих стран к подобному рода шагам. В деле образования таких успешных объединений, как Европейский Союз и АСЕАН, политическая воля стран-участниц играла далеко не последнюю роль[2] [3]. СААРК хотя и стремилась отчасти подражать этим объединениям, тем не менее, до текущего момента не продемонстрировала аналогичных успехов[4].

Актуальность исследования обусловлена тем, что вывод иностранных контингентов с территории Афганистана предопределяет постепенный уход страны из сферы влияния США, что может дать стране больше возможностей для внешнеполитического манёвра, а также позволить влиятельным региональным игрокам заполнить образовавшийся «вакуум силы». Поскольку СААРК является единственным региональным интеграционным объединением, куда Афганистан входит в качестве полноправного члена, логично было бы предположить, что с ослаблением влияния США в стране и регионе Южная Азия может стать одним из наиболее вероятных направлений сотрудничества для Афганистана.

К проблеме функционирования СААРК как интеграционного объединения в своих работах обращались Н.В. Галищева («Перспективы развития экономик Южной Азии», «СААРК: станет ли Ассоциация двигателем экономик Южной Азии?»), К.А. Черевык («Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект»), Н.А. Замараева («Пакистан и СААРК: выход из изоляции», «СААРК вместо ИСБМТЭС в азиатском регионе?»), а тема конфликтной динамики в регионе раскрывается в работах В.Я. Белокреницкого («Пакистан — Индия: конфронтационная стабильность?»). Но конкретно вопросу пребывания Афганистана в СААРК (который до сих пор является единственной страной, принятой уже после её учреждения), и в принципе перспективам дальнейшего расширения организации, на наш взгляд, в отечественных исследованиях уделяется недостаточное внимание.

Наиболее детально эта тема была освещена доктором Захидом Шахабом Ахмедом (Пакистан) в работах «Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organizational Expansion» и «Expansion of SAARC: Opportunities and Challenges». В частности, в первой работе, в которой даётся преимущественно негативная оценка участию Афганистана в СААРК, отмечается, что принятие решения о расширении членства организации в середине 2000-х гг. объяснялось скорее стрем-

[1] Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А.А. Байков; отв. ред. А.Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 6.

[2] Там же. С. 22.

[3] Там же. С. 107.

[4] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. - 2018. - №22 (2). - P. 172.

лениями некоторых стран-членов (преимущественно Индии) к достижению собственных внешнеполитических целей, в то время как объективные предпосылки для присоединения Афганистана отсутствовали, и поэтому его участие в данной организации до сих пор не принесло сколько-нибудь существенных выгод для сторон [5].

В настоящей статье участие Афганистана в СААРК будет рассмотрено в контексте тех проблем и вызовов, которые мешают самому Афганистану — с одной стороны, и данному объединению — с другой, сделать взаимные шаги в сторону углубления процессов региональной интеграции. Цель данной статьи — выяснить причины участия Афганистана в СААРК, изначально предполагавшее наличие ряда выгод как для самой страны, так и для всего объединения, но которое до сих пор не принесло пользы ни самому Афганистану, ни СААРК.

В данной связи можно выделить следующие задачи:

- Охарактеризовать «стартовые позиции» СААРК, её цели и изначальные планы по дальнейшему развитию;

- Определить основные проблемы и противоречия, свойственные СААРК как региональному интеграционному объединению;

- Дать характеристику внешней торговле Афганистана для оценки потенциала экономической интеграции с другими странами-членами СААРК;

- Рассмотреть изначальные цели принятия Афганистана в СААРК, а также проблемы, которые были вызваны данным неоднозначным решением;

- Дать оценку перспективам дальнейшего участия Афганистана в данном интеграционном объединении с учётом существующих проблем.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕЛЕЙ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СААРК

Целью создания региональной организации СААРК (куда первоначально вошли Индия, Пакистан, Бангладеш, Мальдивы, Бутан, Непал и Шри-Ланка) в 1985 году было, прежде всего, способствование активизации регионального сотрудничества в сферах экономики, культуры, образования, науки и безопасности, в дальнейшем — усиление внутрорегиональной экономической и политической интеграции и, в конечном счёте, формирование полноценного политико-экономического Южноазиатского союза с общей валютой и другими, присущими подобным объединениям, атрибутами [6]. Предложения о его создании высказывались лидерами ряда государств Южной Азии (Бангладеш, Шри-Ланки, Непала, Бутана и Мальдив) начиная ещё с середины XX века (Межазиатская конференция 1947 г., Конференция в Багио 1950 г. и т.д.), активные действия в данном направлении начали осуществляться лишь в конце

[5] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. - 2018. - №22 (2). - P. 173.

[6] Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (справочный материал) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. - URL: https://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/OvP3hQoCPRg5/content/id/958657 (дата обращения: 08.11.2020).

1970-х гг., что было связано, в том числе с вторжением СССР в Афганистан и ухудшением ситуации с безопасностью в регионе [7]. При этом уже тогда и Индия, и Пакистан скептически относились к выдвинутому проекту регионального объединения [8].

Однако амбициозные планы по формированию Южноазиатского союза были обречены если не на провал, то определённо на значительные трудности ещё в самом начале пути СААРК, потому что как минимум между двумя её крупнейшими государствами-членами — Индией и Пакистаном — отношения остаются крайне напряжёнными по многим направлениям в силу ряда исторических, религиозных и политических вопросов [9] (что, безусловно, являлось серьёзным препятствием для их дальнейшего сближения в рамках группировки). Поэтому двадцать с лишним лет существования СААРК вплоть до включения в его состав Афганистана характеризовались достаточно медленным нестабильным развитием данного объединения. По выражению пакистанского исследователя М. Дж. Икбала, «большинство программ и достижений СААРК существовало лишь на бумаге», а большая часть проводившихся в рамках объединения мероприятий не затрагивала приоритетные для стран-участниц области сотрудничества и не

способствовала углублению интеграционных процессов в регионе [10]. Первым крупным шагом в данном направлении, предпринятым спустя двадцать лет после основания СААРК, следует считать подписанное в 2005 году Соглашение о создании Южноазиатской зоны свободной торговли (т.н. САФТА, или ЮЗАСТ), которое создало основу для либерализации торговли между странами-членами организации [11].

Несмотря на существовавшие проблемы, перспектива дальнейшего расширения членства СААРК рассматривалась её странами-членами весьма серьёзно. Так, Индия считала наиболее привлекательным афганское направление, подчёркивая выгодное географическое расположение этой страны, дающее, в числе прочих, возможность выхода южноазиатских стран на рынки Центральной Азии, учитывая, что страны-участницы СААРК были заинтересованы в расширении и умножении своих внешнеэкономических связей, в том числе с представителями других регионов [12]. Но, пожалуй, наибольшее значение в этом вопросе представляла собой мотивация Индии «уравновесить» влияние Пакистана в СААРК за счёт принятия в ряды данной организации дружественной ей страны [13].

[7] Iqbal M. J. SAARC: Origin, Growth, Potential and Achievements / M.J. Iqbal // Pakistan Journal of History & Culture. — 2006. — Vol. — XXVII/2. — P. 132.

[8] Ibid.

[9] Белокреницкий В.Я. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? / В.Я. Белокреницкий // Международные процессы. - 2006. - №2. - С. 33-46.

[10] Iqbal M. J. SAARC: Origin, Growth, Potential and Achievements / M.J. Iqbal // Pakistan Journal of History & Culture. — 2006. — Vol. — XXVII/2. — P. 134.

[11] Черевык К.А. Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект / К.А. Черевык // Альманах современной науки и образования. - 2014. - №2. - С. 174.

[12] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. - 2018. - №22 (2). - P. 171.

[13] Ibid.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМ СААРК

Причины отсутствия успеха, в частности, в сфере региональной экономической кооперации стран региона, как было указано выше, лежат не только в экономической, но и в политической сфере. Так, не смотря на все вероятные выгоды внутрирегиональной торговли и интеграции [14], описываемые теоретиками, прогресс в данной сфере весьма неустойчив, в том числе из-за низкого уровня доверия внутри данной группировки (в частности, между такими крупными игроками, как Индия и Пакистан), а также сложного исторического наследия, заключающегося в нерешённых территориальных спорах и вытекающих из них политических противоречий [15] (ярчайший пример — конфликт между Индией и Пакистаном по вопросу о принадлежности Кашмира) [16] [17]. Влияние конфликтного исторического наследия также прослеживается в отношениях Индии с Шри-Ланкой, Пакистаном и Бангладеш и т.п. [18]. Всё это напрямую отражается на региональном сотрудничестве в рамках СААРК: так, когда саммит данной организации в 2016 году должен был проходить в Исламабаде, Индия

отказалась принимать в нём участие, что произошло на фоне очередного обострения отношений с Пакистаном [19]; аналогичное решение в знак солидарности с Индией приняли и её главные партнёры по СААРК — Бангладеш, Бутан и Афганистан [20].

Помимо того, что у ряда стран-членов СААРК сложились, мягко говоря, неоднозначные отношения с Индией, которая, по сути, является своеобразным «ядром» данного объединения и его наиболее влиятельным игроком, можно заметить, что некоторые из них в силу ряда причин тяготеют к сотрудничеству с другими влиятельными региональными и внерегиональными акторами (такими, как США и КНР), что снижает влияние Индии в регионе. Так, Пакистан с 1950-х гг. связан тесными союзническими отношениями с геополитическим соперником Индии — Китаем; кроме того, инициативу к сближению с Китаем в определённые периоды своей истории проявляла и Бангладеш в целях балансировки своих стратегических позиций в регионе [21]. В неоднозначном положении пребывает и Афганистан, по-прежнему находящийся в орбите влияния США — своего главного финансового

[14] Afghanistan and SAARC // Afghanistan Times: site. - URL: <http://www.afghanistantimes.af/afghanistan-and-saarc/> (дата обращения: 08.11.2020).

[15] Черевык К.А. Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект / К.А. Черевык // Альманах современной науки и образования. - 2014. - №2. - С. 175.

[16] Белокреницкий В.Я. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? / В.Я. Белокреницкий // Международные процессы. - 2006. - №2. - С. 33-46.

[17] Галищева Н.В. Перспективы развития экономик Южной Азии / Н.В. Галищева // Международные процессы. - 2015. - №3 (42). - С. 58.

[18] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. - 2018. - №22 (2). - P. 172.

[19] Ibid. P. 180.

[20] Н. Замаараева. СААРК вместо ИСБМТЭС в азиатском регионе? / Н. Замаараева // Геополитика.ru - URL: <https://www.geopolitica.ru/article/saark-vmesto-icbmtes-v-aziatskom-regione> (дата обращения: 18.11.2020).

[21] В. А. Аватков, В. Я. Белокреницкий, В. А. Гринюк и др. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / В. А. Аватков, В. Я. Белокреницкий, В. А. Гринюк и др.; отв. ред. Д. В. Стрельцов. — М.: Аспект-пресс, 2013. — С. 185.

донора; эта зависимость также продолжает препятствовать налаживанию более тесных связей Афганистана со странами Южной Азии, прежде всего — с Индией, которая желала бы играть более заметную роль на афганском направлении [22].

Ещё одна важная проблема отношений стран в рамках данного объединения заключается в том, что, в отличие от Евросоюза, по аналогии с которым государства-члены СААРК планировали развивать своё сотрудничество в ряде сфер, и между участниками которого большинство территориальных споров было окончательно урегулировано по окончании Второй мировой войны, многие конфликты, политические и территориальные претензии стран южноазиатского региона до сих пор не решены, и имеют «замороженный» характер, периодически грозящий перерасти в «горячую» фазу. [23] Вопросы безопасности в регионе негативно сказываются на отношениях стран внутри СААРК, учитывая, что во многих из них присутствуют проблемы терроризма, сепаратизма и наркотрафика [24].

Говоря же о деятельности в рамках самого объединения, то немаловажным негативным фактором в его работе является его слабое институциональное развитие [25]. Так, за исключением высших встреч глав государств и пра-

вительств, организация не обладает наднациональными органами, а также сколько-нибудь действенными механизмами совместного решения актуальных проблем государств-членов [26]. Данный фактор является существенным в связи с тем, что на сегодняшний день подход к интеграции в этом регионе, основанный только лишь на либерализации взаимной торговли товарами, уже исчерпал себя, и потому странам для углубления региональных интеграционных процессов необходимы принципиально иные механизмы и формы взаимодействия [27].

Исходя из описанных выше обстоятельств, принятие Афганистана в 2007 году при существовавших на тот момент нерешенных проблемах внутри СААРК было не вполне обоснованным решением. В отличие от ЕС и АСЕАН, на которые страны данного объединения преимущественно ориентируются в деле регионального сотрудничества и которые имеют вполне конкретные и достаточно жёсткие критерии приёма новых членов, СААРК не разработал определённых критериев и условий для присоединения Афганистана к сообществу [28]. По этой причине, а также в силу слабого институционального развития, реальных шагов в сфере регионального сближения внутри данного объединения на практике не происходит.

[22] Quarterly report to the United States Congress / Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. — 2021. — P. 172.

[23] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. - 2018. - №22 (2). - P. 181.

[24] Ibid. P.181.

[25] Черевык К.А. Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект / К.А. Черевык // Альманах современной науки и образования. - 2014. - №2. - С. 175.

[26] Z.S. Ahmed. Expansion of SAARC: Opportunities and Challenges / Zahid Shahab Ahmed // FPRC Journal. — 2014. - №4(1) — P. 67.

[27] Черевык К.А. Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект / К.А. Черевык // Альманах современной науки и образования. - 2014. - №2. - С. 176.

[28] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. - 2018. - №22 (2). - P. 182.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ АФГА- НИСТАНА

Основными партнёрами по афганскому экспорту во внешней торговле страны, по данным на 2016 год, были Индия (56,5%) и Пакистан (29,6%), что в совокупности составляет более 80% [29]. Что касается импорта, то здесь Пакистан занимает 3-е место среди основных торговых партнёров страны, и на него приходится 11% афганского импорта [30]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что дальнейшее вовлечение страны в торговлю в Южной Азии имеет достаточно большой потенциал для своего развития.

Однако вопросы снятия внешнеторговых барьеров между странами региона, и, в частности, между странами, в отношениях которых наблюдается конфликтная динамика, как правило, решаются с большим трудом, так как зависят, в первую очередь, от того, насколько близкие отношения складываются у стран в политической сфере [31]. Ярким примером неудач в экономическом сотрудничестве по причине низкого доверия между странами региона является Соглашение о транзитной торговле между Пакистаном и Афганистаном, заключённое в 2010 году: из-за натянутых отношений между афганским президентом Хамидом Карзаем и паки-

станской администрацией оно практически не выполнялось вплоть до своего истечения в 2017 году [32].

Приведённые выше данные говорят о том, что такие члены СААРК, как Пакистан и Индия являются естественными торговыми партнёрами Афганистана, и потенциал роста взаимной торговли как с ними, так и с другими странами Южноазиатского региона определённо имеется, однако перспективы её либерализации в большой степени зависят от внешнеполитических векторов данных стран, их желания идти на обоюдное сближение, а также от уровня взаимного доверия между ними.

ЦЕЛИ УЧАСТИЯ АФГАНИСТАНА В СААРК, А ТАКЖЕ ПРОБЛЕМЫ, С НИМ СВЯЗАННЫЕ

Принимая в свои ряды Афганистан, государства-члены СААРК руководствовались, прежде всего, своими экономическими интересами, беря в расчёт относительно большой внутренний рынок, а также транзитный потенциал данной страны и перспективы её превращения в своеобразный «энергетический коридор», позволивший бы странам Южноазиатского региона, традиционно испытывающим дефицит электроэнергии, получить доступ

[29] Afghanistan // Wayback Machine URL: <https://web.archive.org/web/20171020032522/http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/afg/> (дата обращения: 08.11.2020).

[30] Afghanistan // Central Intelligence Agency URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/af.html> (дата обращения: 08.11.2020).

[31] Черевык К.А. Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект / К.А. Черевык // Альманах современной науки и образования. – 2014. – №2. – С. 175.

[32] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. – 2018. – №22 (2). – P. 176.

к энергоресурсам Центральной Азии (в частности, Туркменистана)[33] [34]. В свою очередь, Афганистан во второй половине 2000-х годов явно демонстрировал заинтересованность в сотрудничестве со странами Южной Азии, особенно — в гуманитарной сфере[35]. Однако для полноценного участия страны в СААРК, как и для его эффективной интеграции в Южноазиатский регион существовал и продолжает существовать ряд серьёзных препятствий.

Пожалуй, главной проблемой участия Афганистана в СААРК и процессах, связанных с внутрирегиональной экономической интеграцией, является остающийся неурегулированным вооружённый конфликт на территории этой страны, в результате которого Афганистан продолжает оставаться мощным очагом нестабильности для всего региона. Показательным в данной связи является тот факт, что Афганистан ни разу не принимал у себя ежегодные саммиты глав государств СААРК — очевидно, из-за проблем в сфере безопасности[36]. Прямым следствием нестабильности является невозможность предсказать развитие событий внутри Афганистана даже на краткосрочную перспективу, а значит — построить какую-либо стратегию его дальнейшего участия и внутри СААРК, касательно, к примеру, внутрирегиональной интеграции и снятия торговых ограничений.

Ещё одной немаловажной проблемой является неурегулированный афгано-пакистанский спор по поводу признания линии Дюранда в качестве официальной границы двух стран, и связанные с ним пограничные вооружённые столкновения[37]. Подобные трения не могут не отражаться и на сотрудничестве в других сферах, особенно — в экономической: так, упомянутое выше афгано-пакистанское Соглашение 2010 года не выполнялось именно по политическим причинам, потому что, как уже было указано ранее, с экономической точки зрения присутствуют необходимые предпосылки для дальнейшего экономического сближения двух стран.

Другой важной проблемой, существующей в связи с нестабильной обстановкой в Афганистане и отсутствием контроля на афгано-пакистанской границе, и серьёзно осложняющей отношения Афганистана с другими странами-членами СААРК (особенно — с Пакистаном), является проблема наркотрафика. Как известно, Афганистан ещё в 2007 году вышел на первое место в мире по производству наркотиков: так, его доля на мировом рынке героина на сегодняшний день составляет 92%, а площадь опиумных насаждений в стране превышает 300 тыс. га[38]. При этом около 45% незаконно производимого на территории Афганистана опийного мака

[33] Фараджи Рад А.Р., Моради Г. Трубопровод ТАПИ и его влияние на региональное и межрегиональное соперничество / Фараджи Рад Абдол Реза, Моради Гейдар // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – №15 (2). – С. 95.

[34] Afghanistan and SAARC // Afghanistan Times: site. – URL: <http://www.afghanistantimes.af/afghanistan-and-saarc/> (дата обращения: 08.11.2020).

[35] Z.S. Ahmed, M. Zahoor Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. – 2018. – №22 (2). – P. 171.

[36] Ibid. P. 177.

[37] Clashes hit Pakistan-Afghanistan border // Al Jazeera. – 2017. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/3/17/clashes-hit-pakistan-afghanistan-border> (дата обращения: 08.11.2020).

[38] Afghanistan Opium Survey // United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. – P. 14.

экспортируется через Пакистан, который является частью т.н. «южного маршрута», через который в развитые страны направляется более 70% всех произведённых в Афганистане наркотиков[39]. Большая часть афганского опиума доставляется в другие государства, остальное потребляется в самом Пакистане. Так, в штате Пенджаб, через который проходит наркомаршрут Афганистан — Пакистан — Дели, по оценкам экспертов, от 60 до 75% жителей сельской местности хоть раз в жизни употребляли героин[40]. Несмотря на масштабы этого бедствия, афгано-пакистанское взаимодействие по вопросу контроля наркотиков развито достаточно слабо: хотя стороны согласовали проведение ряда совместных операций по борьбе с контрабандой наркотиков на границе, серьёзных достижений здесь отмечено не было. Данный фактор не просто препятствует дальнейшей торговой либерализации между Афганистаном и другими странами-членами СААРК, но и представляет серьёзную угрозу безопасности для последних.

Помимо всего прочего, Афганистан, учитывая его сложную экономическую ситуацию, испытывает значительные трудности в вопросах выплат ежегодных взносов в бюджет СААРК: так, его доля в бюджете организации — 5%, что, соответственно, составляет порядка 280,000 — 300,000 долларов США[41]. Это немалая сумма для страны, чей доход в значительной степени формируется за счёт иностранных пожертвований[42].

Как следует из вышесказанного, вступление Афганистана в ряды членов СААРК до сегодняшнего дня не только не принесло реальных выгод для остальных стран-участников объединения, но и оказалось малополезным, а зачастую и достаточно проблематичным и для самого этого государства.

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ АФГАНИСТАНА В СААРК

Как было сказано ранее, принятие Афганистана в СААРК в 2007 году сулило данному объединению скорее умножение и без того имевшихся в избытке проблем и вызовов, чем увеличение экономических выгод. Однако на сегодняшний день, учитывая стабильно ухудшающуюся ситуацию с безопасностью в этой стране, говорить о каких-либо выгодах присутствия Афганистана в СААРК для остальных его членов, увы, не приходится.

Возможности, которые могло бы открыть членство Афганистана в СААРК, в значительной степени зависят от мира и стабильности в этой стране. И потому, безусловно, для сосредоточения на вопросах сотрудничества и региональной интеграции с другими странами Афганистан должен прежде решить внутренние проблемы, что не представляется простой задачей в краткосрочной перспективе. Однако до тех пор бессмысленно рассуждать о высоком транзитном потенциале Афганистана,

[39] Ibid. P. 15.

[40] Куприянов А. Опиум для народа / А. Куприянов. — Текст: электронный // Lenta.ru. — 2017. — URL: https://lenta.ru/articles/2017/02/10/india_frugs/ (дата обращения: 08.11.2020).

[41] Z.S. Ahmed. Expansion of SAARC: Opportunities and Challenges / Zahid Shahab Ahmed // FPRC Journal. — 2014. — №4(1) — P. 67.

[42] Z.S. Ahmed, M. Zahoor. Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. — 2018. — №22 (2). — P. 171.

а также о возможностях т.н. «энергетического коридора» из Центральной Азии, пока власти страны не смогут обеспечить безопасность и правопорядок на всей своей территории.

Стоит отметить, что сотрудничество в рамках СААРК всё же приносит Афганистану определённые выгоды, но в ограниченном количестве, и в основном в сфере гуманитарного сотрудничества с Индией — одним из крупнейших афганских доноров, который потенциально может стать главным после того, как США начнут сокращать свою экономическую помощь данной стране [43]. Говоря же о будущем участия Афганистана конкретно в организации СААРК в долгосрочной перспективе, то его эффективность находится под большим вопросом в силу непредсказуемости развития ситуации в стране после вывода иностранного контингента и существенного сокращения внешней помощи (прежде всего — со стороны США, являющегося главным финансовым донором Афганистана), так как данные факторы могут в корне изменить афганскую внутривнутриполитическую ситуацию, а следовательно — напрямую сказаться на внешней политике страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основными препятствиями на пути к позитивному взаимодействию в рамках рассматриваемого объединения можно назвать, с одной стороны, комплекс проблем, изначально существовавших в рамках СААРК до принятия в него Афганистана (институциональная «незрелость» организации, проистекающая из нежелания стран-членов делегировать часть своих полномочий наднациональным органам СААРК, низкий уровень доверия между странами-членами, нерешённые территориальные конфликты и т.п.), а с другой стороны — проблемы самого Афганистана, который, будучи «несостоявшимся государством», а также источником нестабильности в регионе, не способен полностью включиться в интеграционный процесс. Совокупность всех этих факторов осложняла и продолжает осложнять процесс взаимного сближения между Афганистаном с одной стороны, и остальными странами-членами объединения — с другой, в результате чего интеграционные процессы в рамках СААРК до нынешнего момента не были отмечены значительными успехами [44] [45].

[43] Ibid. P. 177.

[44] Галищева Н.В. Перспективы развития экономик Южной Азии / Н.В. Галищева // Международные процессы. - 2015. - №3 (42). - С. 58.

[45] Черевык К.А. Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект / К.А. Черевык // Альманах современной науки и образования. - 2014. - №2. — С. 176.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (справочный материал) // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/958657 (дата обращения: 08.11.2020).
2. Белокреницкий В.Я. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? / В.Я. Белокреницкий // Международные процессы. – 2006. – №2. – С. 33-46.
3. Галищева Н.В. Перспективы развития экономик Южной Азии / Н.В. Галищева // Международные процессы. – 2015. – №3 (42). – С. 40-67.
4. Замараева Н.А. Пакистан и СААРК: выход из изоляции / Н.А. Замараева // Восточная аналитика. – 2017. – №3.
5. Куприянов А. Опиум для народа / А. Куприянов. – Текст: электронный // Lenta.ru. – 2017. – URL: https://lenta.ru/articles/2017/02/10/india_frugs/ (дата обращения: 08.11.2020).
6. Н. Замараева. СААРК вместо ИСБМТЭС в азиатском регионе? / Н. Замараева // Геополитика.ru. – URL: <https://www.geopolitica.ru/article/saark-vmesto-icbmtes-v-aziatском-regione> (дата обращения: 18.11.2020).
7. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А.А. Байков; отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 256 с.
8. В. А. Аватков, В. Я. Белокреницкий, В. А. Гринюк и др. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / В. А. Аватков, В. Я. Белокреницкий, В. А. Гринюк и др.; отв. ред. Д.В.Стрельцов. – М.: Аспект-пресс, 2013. – 318 с.
9. Фараджи Рад А.Р., Моради Г. Трубопровод ТАПИ и его влияние на региональное и межрегиональное соперничество / Фараджи Рад Абдол Реза, Моради Гейдар // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – №15 (2). – С. 94-111.
10. Черевык К.А. Деятельность Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): экономический аспект / К.А. Черевык // Альманах современной науки и образования. – 2014. – №2. – С. 172-177.
11. Afghanistan // Central Intelligence Agency URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/af.html> (дата обращения: 08.11.2020).
12. Afghanistan // WaybackMachine URL: <https://web.archive.org/web/20171020032522/http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/afg/> (дата обращения: 08.11.2020).
13. Afghanistan and SAARC // Afghanistan Times URL: <http://www.afghanistantimes.af/afghanistan-and-saarc/> (дата обращения: 08.11.2020).
14. Afghanistan Opium Survey // United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. – 69 p.
15. Clashes hit Pakistan-Afghanistan border // Al Jazeera URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/3/17/clashes-hit-pakistan-afghanistan-border> (access date: 08.11.2020).
16. Iqbal M. J. SAARC: Origin, Growth, Potential and Achievements / M. J. Iqbal // Pakistan Journal of History & Culture. – 2006. – Vol. XXVII/2. – P. 127-140.
17. SAARC. (1985). SAARC Charter. Retrieved 1 August 2016 URL: <http://saarc-sec.org/saarc-charter/5/> (дата обращения: 08.11.2020)

18. Quarterly report to the United States Congress // Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction, 2021. – P. 211.

19. Z.S. Ahmed. Expansion of SAARC: Opportunities and Challenges / Zahid Shahab Ahmed // FPRC Journal. – 2014. – №4(1) – P. 62–74.

20. Z.S. Ahmed, M. Zahoor. Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. – 2018. – №22 (2). – P.171–188.

REFERENCES

1. Afghanistan // Central Intelligence Agency. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/af.html> (дата обращения: 08.11.2020)..

2. Afghanistan // Wayback Machine. – URL: <https://web.archive.org/web/20171020032522/http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/afg/> (дата обращения: 08.11.2020).

3. Afghanistan and SAARC // Afghanistan Times. – URL: <http://www.afghanistantimes.af/afghanistan-and-saarc/> (дата обращения: 08.11.2020).

4. Afghanistan Opium Survey // United Nations Office on Drugs and Crime, 2018. – 69 p.

5. Associaciya regional'nogo sotrudnichestva YUzhnoj Azii (spravochnyj material) [The South Asian Association for Regional Cooperation (background material)] // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation URL: https://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/OvP3hQoCPRg5/content/id/958657 (access date: 08.11.2020).

6. Bajkov A.A. Sravnitel'naya integraciya. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Tihookeanskoj Azii [Comparative integration: Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific] / A.A. Bajkov; otv. red. A.D. Bogaturov. – M.: Aspekt Press, 2012. – 256 p.

7. Belokrenickij V.YA. Pakistan – Indiya: konfrontacionnaya stabil'nost'? [India: confrontational stability?] / V.YA. Belokrenickij // International trends. – 2006. – №2. – P. 33-46.

8. Cberevyk K.A. Deyatel'nost' Associacii regional'nogo sotrudnichestva stran YUzhnoj Azii (SAARK): ekonomicheskij aspekt [Activity of South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC): economical aspect] / K.A. Cherevyk // Al'manah sovremennoy nauki i obrazovaniya. – 2014. – №2. – P 172-177.

9. Clashes hit Pakistan-Afghanistan border // Al Jazeera URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/3/17/clashes-hit-pakistan-afghanistan-border> (access date: 08.11.2020).

10. Faradzhi Rad A.R., Moradi G. Truboprovod TAPI i ego vliyanie na regional'noe i mezhregional'noe sopernichestvo [The TAPI pipeline and its impact on regional and interregional rivalry] / Faradzhi Rad Abdol Reza, Moradi Gejdar // Central Asia and the Caucasus. – 2012. – №15 (2). – P. 94-111.

11. Galishcheva N.V. Perspektivy razvitiya ekonomik YUzhnoj Azii [Prospects for a South Asian Economy] / N.V. Galishcheva // International trends. – 2015. – №3 (42). – P. 40-67.

12. Iqbal M. J. SAARC: Origin, Growth, Potential and Achievements / M. J. Iqbal // Pakistan Journal of History & Culture. – 2006. – Vol. XXVII/2. – P. 127-140.

13. Kupriyanov A. Opium dlya naroda [Opium for the people] / A. Kupriyanov. // lenta.ru. — 2017. — URL: https://lenta.ru/articles/2017/02/10/india_frugs/ (accessed: 08.11.2020).
14. N. Zamaraeva. SAARK vmesto ICBMTES v aziatskom regione? [SAARC instead of BIMSTEC in South Asia?] / N. Zamaraeva // Geopolitika.ru. — URL: <https://www.geopolitika.ru/article/saark-vmesto-icbmtes-v-aziatskom-regione> (access date: 18.11.2020).
15. Quarterly report to the United States Congress // Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. — 2021. — P. 211.
16. SAARC. (1985). SAARC Charter. Retrieved 1 August 2016. — URL: <http://saarc-sec.org/saarc-charter/5/> (access date: 08.11.2020).
17. Territorial'nyj vopros v afro-aziatskom mire [The territorial issue in the Afro-Asian world] / V. A. Avatkov, V. Y. Belokrenickiy, V. A. Grinyuk; otv. red. D.V.Streltsov. — M.: Aspekt Press, 2013. — 318 c.
18. Z.S. Ahmed. Expansion of SAARC: Opportunities and Challenges / Zahid Shahab Ahmed // FPRC Journal. — 2014. - №4(1) — P. 62–74.
19. Z.S. Ahmed, M. Zahoor. Afghanistan in SAARC: A Critical Assessment of Organisational Expansion / Zahid Shahab Ahmed, Musharaf Zahoor // South Asian Survey. — 2018. — №22 (2). — P.171–188.
20. Zamaraeva N.A. Pakistan i SAARK: vyhod iz izolyacii [Pakistan and SAARC: way out of isolation] / N.A. Zamaraeva // Eastern analytics. — 2017. — №3.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка *Т.А. Цыплина*

Формат 60×84¹/₈.

Усл. печ. л. 6,5. Тираж 25 экз. Заказ 381

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
И множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

